

Лариса
КОВАЛЕВСКАЯ

18+

САНИТАР
МЕГАПО
ЛИ
СА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Симпатичное произведение

Лариса Алексеевна Ковалевская

Санитар мегаполиса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57209795

SelfPub; 2020

Аннотация

Все мы знаем санитаров леса. Знакомимся с Санитаром мегаполиса! Санитар мегаполиса – это симпатичное произведение о попытках любовных походов плоскостопика, подслеповатика, программиста и просто ВСДэшника Дмитрия, который всё время ищет девушек с ГМО или слишком Organic. О чём именно это произведение ты сам(а) решишь, когда прочтёшь. А если ты обиделся(лась), что автор к тебе на ты, а не на Вы – это глупо. Как там к Богу обращаются? На ты. Как к другу. Открывай книгу – находи друзей! После прочтения выпей какао! Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

– Да... Чуда не произошло. Здесь тоже всё «не ахти». Но, по крайней мере, рожицы у них не такие надменные, как у тех, в педагогическом институте. Эти просто выглядят немного туповато... Точнее, выглядят никак, выглядят просто, что тоже противно. Ха! Динон, смотри. Ты когда-нибудь могла себе представить овечку Holly Dolly проституткой?! Нет? Так и не надо. Не представляй, а фотографируй скорей!

– Ага. Остановись, мгновенье, – ты прекрасно... будешь смотреться в рекламе «Развратный молочник»! Да... Действительно похожа.

– Как можно ходить в короткой синей джинсовой юбке, колготах в сетку и красной кофте со стразами, имея лицо... нет, прости, мордочку Holly Dolly? Да она же сейчас испоганила образ этого чистого существа, моего любимого персонажа! У меня даже рюкзачок-игрушка есть Holly Dolly. Теперь придется его сжечь. Вообще, кто она такая? Почему с ней все здороваются? Что, здесь все такие культурные? Или ректор американец?! И в уставе этой «богадельни» написано, что все должны изображать радость и уважение друг к другу?

– Нет, не угадала. Это преподша по истории русской литературы. Причем твоя преподша. Я ведь, слава Богу, не с тобой учусь. Я же «оздоровитель природы». Эколог. Хотя пока еще не эколог. Еще три года проучиться, а потом придется

бить детишек по голове и по рукам, когда они вдруг позволят себе обрывать цветочки-лепесточки. Именно так я собираюсь оздоравливать природу. А вот ты...

– Да погоди еще! Может, я тоже здесь не останусь учиться.

В эту секунду из кабинета ректора вышел мой папа. Поздравил меня с поступлением сюда. И сказал:

– Вот теперь ты студентка филфака! Еще в школе мы с мамой и твоими учителями определили твою судьбу! Ты же так любила исписывать парты гаденькими замечаниями, изощренными оскорблениями. Так что – пожалуйста. Мы все надеемся, учеба здесь подкорректирует твою речь, то бишь превратит язвительные конструкции в поэтические обороты.

– Взрослый наивняга! Ты что, преподавателей не видел? Нет, ну дурацкий вопрос, я понимаю. Ты же вообще ничего не видишь! У тебя зрение минус пять, а ай-кью адекватного восприятия мира (если бы, конечно, такая шкала существовала) минус сто пять. Кто меня здесь чему-нибудь приличному научит? Развратная Holly Dolly?

– Кто? Ладно, Ника, все. Ты будешь учиться здесь. Без разговоров.

Отец сел в машину и уехал.

– Сглазила ты меня, Динэль. Я попала. Хотя еще неизвестно... На этом всем можно заработать денег. Под «этим всем» я имею в виду преподавателей. Пока преподавателей, ведь мы еще моих однокурсников не лицезрели.

– Как на них можно заработать? Ты чего? Веками все было

наоборот. Они на студентах зарабатывали.

– Значит, закончились эти «века». Естественно, с моим приходом сюда закончились. Ты отлично знаешь, что мой дядя просто повернут на всяких несурразных личностях. И на роль главных персонажей своих рекламных роликов вечно берет каких-то пустоголовых домохозяек с пучком грязных, недокрашенных волос на башке, типа: «Мужичу ты своему постирай трусы, носки, чтоб ходило это ЧМО по полам душистым в свеженьких носках и валялось на диване в чистеньких трусищах, чтобы ты, КОБЫЛА-ДУРА, завтра на уборку дома не теряла ни секунды, а пошла бы жрать сварила, пока чисты трусы, носки! Не колебайся ни минуты, ведь найдется на ТВОЕ тот же час для постирушек десять баб по сто кило! Ты же знаешь, в Украине дорого купить зверушку, так беги за порошочком, пока duty-free ТВОЕ жрет твою картошку!»

Или реклама для жеманных идиоток, у которых рожи покрыты автозагаром, тональным кремом, пудрой... в общем, весь каталог «Avon» на фейсе: «Наложите нашу косметику на свое лицо – и оно мгновенно преобразится! Конечно, некоторые могут просто наложить, глядя на вас, но малярам вы точно понравитесь».

Также дядя находит каких-то селян, небритых, неприятно пахнущих, в нечищенных башмаках: «От вас все еще пахнет навозом?! Не расстраивайтесь! Помойтесь нашим гелем для душа! Он, может, не поможет, но мыться все равно надо –

так сказал Минздрав!»

Я все думала: где он их находит? А с этого момента ему не придется никого искать. Кастинг-директором буду я! Деньги платят приличные. Кстати, что это за мужик мелькнул – тот, с которым мы ехали в лифте. Такой «пахучий». И в костюмчике с заплатками на локтях. Похож на бухгалтера. Того времени. В смысле давности пятидесятилетней. Отменно подошел бы для социальной рекламы. Представь: в своем пиджаке сидит он в тюрьме – и надпись по экрану большими буквами: «НЕ ВОРУЙ – ЧРЕВАТО!»

– У тебя будет еще время это с ним обсудить, ведь он твой куратор по воспитательной работе. И пойдем домой. Нужно отдохнуть. Вечером встречаемся с друзьями. Надурачишься еще – Дима придет.

– А-а-а! Наш санитар мегаполиса явится. Тогда действительно надо отдохнуть!

– Ник, объясни, почему Дима – санитар мегаполиса. Откуда прозвище? Я, конечно, понимаю, что только ты можешь такое придумать, но ведь это должно быть мотивировано.

– Уважаемая госпожа Динэль, Динон, мой милый кудрявый динозаврик в бусиках на зимнем свитере, я никогда никому не даю немотивированных прозвищ и обзываю лишь по делу или за дело. Так вот: волки – санитары леса, поскольку они подбирают всякую падаль, и еще потому, что все никчемное выедают или хотя бы держат «в тонусе» лес. И Дмитрий наш постоянно находит, знакомится, не знаю – подби-

рает (но не ест их, хотя лучше бы ел) где-то таких девушек, с которыми ни один нормальный не познакомится: это какие-то проститутки, наркоманки, психопатки, ЭМО! Живет же он в нашем прекрасном экологически катастрофическом (из-за девушек с «ГМО») городе, а не в лесу (пока что. Кто знает, что ему «очередная» вобьет в голову), поэтому – санитар мегаполиса.

– Не могу поверить, что он твой брат.

– Двоюродный! Делай, пожалуйста, акцент на «двоюродный», пока он не встретил хорошую девушку.

– Ладно, по домам. До вечера.

– Пока.

Глава 2

Мы не видели друг друга два месяца, за которые много чего произошло. Об этих событиях ты, мой уникальный человек (а ты действительно уникальный, раз потратил деньги на книгу и сейчас ее читаешь, тем самым тратя еще и свое время – в наше то время! Молодец! Не пей и не кури – и будет тебе счастье! А коль счастья не случится, то хоть изо рта вонять не будет. И это плюс, ведь не надо тратить денежку на жвачки, одним словом – экономия!), – об этих событиях ты узнаешь немного позже.

А сейчас мы все собрались у Динэль дома. Мы – это Василиса (Лиса), девушка маленького роста, такого же ума, но

с огромным (не волнуйся, не с физиологической точки зрения) и добрым сердцем; Дима – мой двоюродный брат, он же санитар мегаполиса: невысокий, синеглазый паренек, который каждый день празднует День ВСД – вегето-сосудистой дистонии, так как в армию все равно никогда не попадет из-за этого и из-за плоскостопия. Никогда не отпразднует День ВДВ. Проще говоря, он ВСДэшник. Как и я. А может быть, и ты. Понимаю. Сочувствую. И, конечно же, я, Ника, напыщенная, мажорная с виду девушка, но скромная и добрая внутри. Мою скромность и доброту выдают мои чистые и светлые глаза, а вот мою показушную напыщенность – татуировка на запястье, сделанная в виде браслета из ягод-бусин шиповника. Почему шиповник? Подумаешь – бред, но это, увы, не так: просто шиповник колючий, выглядит не очень, но зато полезный и вкусный. Так вот шиповник – это я. Стоп. Простите. У нас же еще осталась хозяйка квартиры – Динэль (а то я сразу о себе. Эгоизм. С кем не бывает). Ей всего двадцать, а выглядит на тридцать, а если поговорить с ней, то, как минимум, на семьдесят. За свои годы она многое и многих повидала. И сейчас из-за этого ей кажется, что жизнь уже прожита. Она очень странный и интересный человек: слушает шансон и декламирует стихи русских и украинских поэтов, но при этом ругается матом, как слесарь, который чинит прорвавшуюся канализацию: его заливают – и заливают не водой, как вы понимаете. Носит Динэль зимой грубые свитера, но обязательно надевает на них летние разноцвет-

ные бусики.

И еще: в этой книге матюков ты не прочтешь! Потому что их не любит автор, а мы (персонажи) все зависим от автора. Что поделаться. Времена такие... были, есть и будут. Все от ко-го-то зависят. Конечно, можно взбунтоваться. Но не будем. Пока нас все устраивает. Нравится автор. Она симпатичная. А насчет матов – автора можно понять. Вот стань перед зеркалом и выматерись хорошенько. Только не играя матерись. И тогда сам все поймешь.

Возвратимся к нам. Мы все разные, но нас объединяет то, что мы все очень странные. Нам комфортно вместе. Мы понимаем друг друга.

Объединяет нас и то, что мы пьем какао. Да, мы не пьем алкогольных напитков, и при этом нам всегда весело. А не пьем алкоголь, потому что все мы – эгоисты. Ну уж очень себя любим и заботимся о своем здоровье. Так вот: сегодня, как обычно, мы хотели посидеть попить какао, поседеть от смеха, услышав очередную историю Димки о его очередной пассии, прослушать поэзию от Динэль, послушать то, как эти стихотворения, стихотворные произведения, проще говоря – стишата, воспринимает Лиса, и выслушать мои критические замечания по поводу всего происходящего.

– Сегодня встречался с Таней. Я долго был недоволен тем, что плохо вижу. Сетовал на природу, родителей. Хочу оповестить: нареканий по этому поводу больше не услышите. Сегодня я понял, что плохое зрение экономит деньги.

Мы тупо смотрели на Диму.

– Я знаю, что ты жлоб. Или, как сам себя величаешь, экономный, хозяйственный, хотя в твоём случае понятия «жлоб» и «экономный» – синонимы. У тебя не бывает покупных тетрадей и ручек. Ты ручки и блокноты тыришь в аптеках, да и тетради у тебя все акционные, – сказала я.

– А ведь чего стоят надписи на тетрадях. Вроде: «“Гу-талакс” – мгновенное избавление от запора». А на ручках? «“Импаз”». Скажи импотенции нет!» Сама видела! – сказала Динэль, заливаясь смехом.

– И как с тобой девушки после этого знакомятся?

– Ника, не забывай, какие с ним девушки знакомятся!!

– Дина! Ника! Диченки! (да, именно «диченки», а не «девчонки»! Лиса иногда не все буквы и звуки любит выговаривать, не любит быть филологически безукоризненной). Дима же начал говорить про экономию! А вы... прикалУ-ЕТЕСЬ! – сделала замечание Лиса и недоуменно на нас посмотрела.

– Да. Действительно. Так как же ты умудрился сэкономить, братишка?

– Выражаясь «философски», как порадовал золотого жлобца своей души?

– Дин, вот сколько я ни читал суждений, но жлобца там точно не было. Да я даже и не слышал такого!

– Вот дебилище! Это я сама придумала сейчас – глядя на тебя, конечно! Золотой жлобец – производное от «золотой

телец», символ поклонения деньгам. Я специально так сказала. С претензией на оригинальность или гениальность.

– Дин, ты у нас просто с претензией!

– Дима! Дина! Не ссорьтесь! Я вас всех люблю, но давайте пусть Дима продолжит! – сказала Лиса.

Вообще, мы обычно не ссоримся, не ругаемся. Конечно, у нас, как и у всех людей, бывают свои разногласия. Но, к счастью, без скандалов. Когда мы собираемся вместе, мы просто подшучиваем друг над другом. Исключительно любя. Наши шутки лишены негативного оттенка, злобы. Лишь Лиса иногда слова воспринимает почти буквально. Поэтому, когда мы начинаем расходиться по домам, Лиса, переживая, спрашивает: «Вы же не обижаетесь друг на друга?» Мы уже давно к этому привыкли, и нас это даже немного веселит.

Дима продолжал:

– Да. Завидуйте. Я сэкономил! Сегодня утром я проснулся у Тани. Встал. Оделся. Вышел на улицу, пошел по магазинам. Купил одну программку для работы за компьютером. Еще так удивился и обрадовался, что мне дали в магазине в подарок флэшку. Сказали: «Это вам как самому удивительному покупателю». В чем моя удивительность? В том, что похож на российского актера Даниила Страхова? Но, придя домой, понял: так, да не так. Оказалось, у меня все лицо в косметике: косметике, размазанной по лицу! У Тани ведь и тени синие, и помада красная, и тональный крем темный такой! Я же вчера этого не заметил, очки дома забыл. А пришел и,

глядя на себя в зеркало, допер, в чем моя удивительность. Плюс нехитрыми умозаключениями восстановил в своем сознании вчерашнюю Танину внешность, то есть что и где у нее было намалевано, нарисовано!

– А сэкономил-то на чем? – хором спросили мы.

– Как на чем?! Если бы я не забыл очки, то пришлось бы вызывать такси, кутаться в шарфик, заматывая лицо. Бояться, стесняться. А так и денег на такси не потратил, и флэшку на халяву получил!

По комнате разлился смех.

– Экономия – это хорошо, – сказала я, – но думаю не в этом случае. Явно, продавцы магазина тебя сфотографировали и – сто процентов – уже выложили твое фото в Интернете. Естественно, как-нибудь подленько подписав!

– Ника, да хорошо, что его не избили. Подумали бы, что извращенец, и избили бы! – добавила Динэль.

– Диченки и мачишка! Все пока нормально. Я лучше пойду включу компьютер. Посмотрим, может, там правда Дима есть.

Лиса медленно, как всегда, стала искать «новинки» на сайте. И нашла. На одном красовалась фотография Димы. И сайт этот был для геев.

– Сэкономил?! И на что ты копишь?

– Ника, я коплю на машину.

– У тебя же пока только копеечные подработки! Откладываешь по полкопейки? Подрабатываешь фотографом. А

заказов-то мало сейчас. Денег практически нет. Как там в анекдоте? «Вот так всегда! Копишь, копишь на яхту и дом на морском побережье... А тут не выдержал, сорвался. Купил сникерс и кока-колу!»

В эту секунду в туалете раздался шум, шум воды. Все перепугано побежали смотреть, что случилось. Оказывается, прорвало трубу. Мы затапливали соседей снизу. Дина бросилась вызывать «аварийку». До ее приезда мы дружно меняли ведра, выжимали тряпки... Донельзя ухудшилось настроение. Кстати, ровно два месяца назад у Динэль была такая же ситуация. Но тогда мы скинулись, чтобы слесарь заменил старую трубу на новую. Плюс новый кафель. А этот бухарик, оказывается, чего-то намутил! Грустно было, что теперь уж не сможем помочь Дине. Денег ни у кого не было.

Через полчаса приехала «аварийка». Перекрыли воду. Сказали, что завтра слесарь залатает трубу. И еще добавили, что новую не надо было покупать вообще:

– У вас дом старый, молодые люди. Менять трубы надо у всего дома, а не в одной квартире. Это все равно, что в семье алкоголиков лечить только одного из членов семьи. Сорвется! А в вашем случае прорвется. Зря деньги потратили.

– И что мне теперь – без стены жить? И кафель тоже класть нельзя? – завопила Динэль.

– Можно, если согласна менять его каждые пару месяцев. Прорывать будет постоянно.

Аварийщики уехали. Но о их визите еще долго напоминал

«шикарный аромат».

– Да... Это вам не «Chanel», – сказала я.

– О чем ты говоришь. Это даже не советская «Гвоздичка».

Одеколон такой, «Гвоздика», был, – уточнил Дима.

– Дина, ты не расстраивайся! Мы что-нибудь придумаем! – успокаивала Лиса.

– Да. Завтра придем!

– Ника, спасибо! Всем спасибо!

Динэль закрыла за нами двери. Лиса пошла домой, так как очень устала, а мы с Димой решили прогуляться по ночному городу. Была зима, но не холодно. Всего минус два градуса.

Я спросила:

– Как родители? Отец до сих пор не разрешает тебе встречаться с девушками?

– Не разрешает. Все после того случая с Олей...

– Я уже смутно помню – что там было?

– Мне тогда пятнадцать исполнилось. Она моя одноклассница. По виду – ничего. Странностей никаких не замечал. Стали встречаться. Привел домой. Оставил ее сидеть в комнате, а сам пошел на кухню чай заваривать, торт резать. Кричу из кухни: «Тебе там не скучно?!», а она мне: «Нет! У тебя там столько всего, столько дел!» Я еще удивился. Думаю – каких дел? Режу торт, слушаю – притихла. До этого шумела. Захожу в комнату с чаем. И офигел! Исчезла вся мамина косметика. Я это заметил, потому что у мамы ее очень много и она стоит всегда на таком специальном дамском столике.

И что меня больше всего поразило – нет матраса на кровати. Белье и покрывало были перенесены на кресло.

– Так она что, все это украла? А на кой ей матрас? Ну, косметику – еще можно понять...

– Лучше бы украла. Она это все выбросила! Слышу – дверь входная открывается. Заходит. Говорит: «Нравится? Это я специально все выбросила. Избавила тебя и твою семью от вредных вещей!» Я стою. Молчу. Не могу оправиться от шока. Она продолжает: «На матрасе спать плохо для спины! Он был слишком мягкий! Спать надо на жесткой поверхности. И косметика не нужна. Портит кожу! Вообще, женщина должна быть природной, зачем искажать свою красоту химией!»

И тут заходят родители. Папа говорит:

– Димон, мы с мамой сейчас так смеялись. Стояли возле дома, с соседями разговаривали. Видим: из нашего подъезда девчонка выбегает с матрасом. И говорит: «А вы очистили свои квартиры от ненужных вещей?!» Кстати, мать, смотри! Это же та самая девчонка... Вы наша новая соседка?

Я учтиво и по-быстрому выпроводил Олю, пока родители не разулись. Принял весь удар на себя. Сам виноват. Ведь это я привел ее домой. Когда папа с мамой зашли в комнату – замерли. Минут десять стояли. А чуть отошли – так мне вlepили! Короче говоря, летал я по комнате, как Дюймовочка под потолком. С тех пор отец и не разрешает никого приводить домой.

– Его можно понять. Знаешь, все твои проблемы с девушками скорее от того, что ты до двенадцати лет верил в Деда Мороза.

– Не включай психолога. Да, верил. И что тут такого?

– Ни фиги себе, что! Да наивный ты ужасно. Ты в дедах морозах разобраться не мог тогда, а в людях сейчас и подавно.

– Все! Ну тебя! Расходимся.

– Угу. Завтра рано в универ вставать. А пойдешь на свидание с Таней, будь аккуратней.

– Уж обязательно пойду! Я не могу бросить девушку после проведенной с ней ночи. Я благороден.

– Ну, тут позитив хотя бы в том, что Таня пользуется косметикой... чересчур, конечно. И, как я понимаю, спит на матрасе. За это можно не бояться. И все равно будь умницей.

– Да нормальная она! Уверен. Спокойной ночи.

– А тебе лучше не ночи спокойной, а спокойного свидания.

– Спасибо.

– Бог в помощь.

На улице была приятная погода. Падал снег. Но все же дома лучше. Хорошо, когда у тебя есть дом. А еще лучше, когда в нем кто-то есть, потому что дом без родителей, друзей и всякой мохнатой живности – это все равно, что ночное небо без звезд: красиво, только смотреть на него долго не хочется. А если рассуждать приземленно, то пустой дом,

как продуктовый магазин без продуктов: он есть, он стоит. Только идти в него бесполезно, незачем.

Глава 3

Сегодня с утра я с Лисой была в университете. В аудитории, посмотрев на наш курс и преподавателя, невольно вспомнила слова из фильма «Космические яйца»: «Як роззирнуся навкруги – а навколо одні дупи, дупи...» Мы сели за последнюю парту, потому что обзор хороший. Видно все и всех. Лекция по истории украинского языка предельно скучна. Единственное, что веселило – это неуклюжий вид лектора, а также его не менее неуклюжие изречения. Он невысокого роста, толстоват. Нос не римский, картошкой. Но на голове веноч – не лавровый, конечно, а из волосиков. То есть оратор практически лысый, лишь вокруг головы красуется волосяной кантик. В глазах же – поэтическая придурь. Красавчик! А фразы... просто затмевают красоту. Например: «Усі, хто будуть прогулювати лекції, отримають по “Е”балу». Отлично звучит!

Еще, как оказалось, он любитель пословиц. Не договоренных до конца пословиц: «Як-то кажуть, баба з возу... так і кажуть».

Также он не различает женских и мужских имен: «А хто це відсутній у нас? Маша Плісецька? Який цікавий хлопець! Пропускає лекції».

У вас сейчас, наверное, создалось впечатление, что нашему преподу, как минимум, девяносто лет? Но нет. Ему под сорок. Он просто не туда попал. Всего-навсего.

Еще очень веселили внезапные вопросы Лисы, которые были совершенно не по теме. Например:

– Кто такие атеисты?

– А что, препод об этом сейчас говорил?

– Нет. Просто я это слово по радио услышала, три дня назад. Кто это такие?

– Понятно. Это люди, которые не верят в существование Бога.

– Вот как? Спасибо.

Через несколько минут:

– Ника! – шепотом. – А кто такие женщины легкого поведения?

– О Господи! Так называют проституток.

– Да? А я думала, что это такие женщины, у которых хороший характер, приятное поведение, с ними легко.

– Отчасти ты права. Что с ними сложного? Деньги заплатил – и легко!

– Спасибо. Буду знать. Давай слушать вот этого дядечку.

– Кого? А... Господи! В смысле преподавателя? Давай.

– Ну да. Учителя.

Глава 4

Учебный день прошел быстро. И вечером мы снова собрались у Динэль. Дима опаздывал. Ему простительно – он же на свидании с Таней.

– Привет, Динон! Как ты? Мама? Твой Сергей? Стена в туалете? – спросила я. Лиса пошла в комнату смотреть сериал.

– Привет. Я – хреново, бросил Сергей. Не захотел помогать. Мама в ужасе от стены. Стена чувствует себя нормально после вчерашней «операции». Как вы?

– Я ничего. Лиса сегодня узнала значение одного нового слова и словосочетания. То есть все отлично. А ты не переживай. Плюнь на Сергея, маму отпоим «Корвалолом», а стену чем-нибудь закроем.

– Спасибо. Утешила. Со всем согласна, но только чем закрыть стену? Кафелем нельзя!

– Давай закроем цветным картоном.

– ?!

– Да, да. А какой выход? Нельзя же, чтобы кирпичи торчали. Будет такая себе картонная имитация кафеля.

– Идея. Согласна. Как же это сделать?

– Я картон уже купила. Он у меня с собой.

Мы заклеили стену. Получилось не очень-то и страшно.

– Дин, я тебе скажу, что так даже лучше стало.

– У тебя врать не выходит, Ника.

– Я серьезно. Вот раньше ты все время придумывала какие-то тесты парням, проверку на прочность, на искренность

устанавливала. А теперь? Ничего выдумывать не надо. Познакомилась. Привела домой. Он увидел стену в туалете. Отказался менять трубы и кафель – значит мудак. Не отказался – совет вам да любовь!

– Дина, знаешь, а Ника ведь права! Тебе не нужен дурак незаботливый, – подошла Лиса.

– Спасибо вам.

Звонок в дверь. Явился Дима.

– А мы уже все без тебя сделали! – сказала Лиса.

– Гад, ты что же, прокосить решил?!

– Еле сбежал от этой дуры! Кошмар. Дайте воды. И таблетку от головной боли. Две!

– Она познакомила тебя со своими родителями?

– Да, Лиса, да!

– Что в этом плохого?

– То, что она и ее родители идиоты! Сейчас... выпью таблетку и все расскажу.

Дима запихнулся двумя таблетками, залился водой и бухнулся на диван. Минуты две он ползал по нему, хватался за голову. Вскоре немного успокоился и начал рассказ:

– Встретиться договорились в кафе. Хорошее кафе... было до этой встречи. Пришла быстро. Не опоздала. Спрашиваю:

– Что заказывать будешь?

Она так пожеманничала, поломалась, глазки десять раз позакатывала.

– Дим, твои глазки? Позакатывала в асфальт? Если десять раз, то ты герой. Столько продержаться! – перебила рассказ я.

– Нет, Ник! Свои глазки. Мастер иронии наш! Где ты видела асфальт в кафе?

– Идиотище, это было единственное логическое объяснение того, что ты от нее сбежал!

– А вот и не единственное! Да, я – санитар мегаполиса. Да, от этого не деться никуда! Как мерзко и гадко оправдывать свое прозвище... Слушайте дальше:

Поломалась, поломалась... Говорит:

– Я буду Кироженное со сгущенкой, корзинку со сливочным крЭмом. Ну, и бутылку коньяка.

– Лиса, это твоя знакомая? Тоже буквы в словах путает! – смеясь, сказала Дина.

Дима продолжил:

– Меня, конечно, немного смутил заказ, но мне Таня все равно казалась не совсем... того. Подумал: сложно найти девушку, которая не пьет, а с моим-то счастьем – вообще нереально. Пьянство – ее недостаток, меня тянет на бракованных всяких. Все сходится: я – санитар, она – по адресу, мой клиент. Судьба. Себе заказал пирожное и какао. Нам это все принесли. Таня сразу же схватилась за бутылку. Выпила моментально половину. Начала со мной заигрывать:

– Мы так спартакно с тобой познакомились. У-ух! Я даже не ожидала.

Для тех, кто не понял: спартанно – это спонтанно.

– Я тоже не ожидал, что ты пьешь.

– ЗаЧик, я не пью, а выпиваю. Шоб настроение хорошее было.

Разговаривая, Таня запихивала свои пальцы в мое пирожное, а потом облизывала их. Скажу вам честно, зрелище обратное! Но она, видать, думала, что это сексуально.

– Тань, хочешь, я закажу тебе еще одно пирожное?

– Зачем три Кироженных на одну бутылку коньяка? Два – это Вже много на бутылку. К тому же они вредны для фигуры.

– Хорошо. Тогда отдай, пожалуйста, мне мое.

– Тю! Бери.

Я откусил кусочек пирожного и почувствовал, как что-то сильно хрустнуло во рту. Выплюнул все в салфетку. И увидел, что это был Танин накладной ноготь. Боже! Мне стало так противно... Фу-у-у! Я хотел это все дело запить какао, но увидел в своей чашке плавающие Танины накладные ресницы. Черт! Это капец! Дальше я просто уже сидел и молчал. Ждал, пока Таня допьет коньяк. И дождался все же. Она сказала:

– Пойдем Вже?!

– Куда? Тебе нужно в туалет? Ну, иди в «Ж».

– Ты че? Я говорю, что пойдем Вже ко мне домой.

Я решил ее проводить. Как ни странно, от целой бутылки коньяка она не сильно опьянела. Наверное, у нее нехилый

опыт в этом деле.

Я проводил ее до дверей квартиры. Думал, все мои страдания уже закончились. Сейчас я пойду домой и больше никогда ей не позвоню. Но не тут-то было. Она меня резко впихнула в квартиру и заорала:

– Мамуль, папуль! Идите знакомиться с моим женихом!

В этот момент я чуть не обделался. У меня подкосились ноги, закружилась голова, подкатывала тошнота. Я думал: «Боже! Помилуй меня! Не продолжай эту пытку!» Мои чувства в эти секунды можно было бы сравнить с чувствами таракана, у которого все «входы в его маленький домик, в его крохотную обитель под полом» были засыпаны ядом. И он стоит смотрит, куда же ему пойти, а кажется ему, что он мечется по квартире, по углам. Танина входная дверь была белой. И казалась она мне водопадом тараканьего яда. Господи, я почувствовал, как плохо быть тараканом! А еще хуже быть мной, Димой, потому что таракан хотел войти в дом, а я выйти хочу! У меня ситуация хуже, плачевней, чем у таракана. Мои шизофренические мысли прервал Танин отец:

– Привет, сынок! Мне Таня говорила, что у тебя папа богатый адвокат! Ты нам Уже заранее понравился! Так Шо, давай, хряпнем за знакомство! – сказал Танин папа и улыбнулся. Все его зубы были золотыми. Причем зубы были не все. Их было семь. Я подсчитал.

– А-а-а... извините, мне пора идти домой. Завтра много учебы...

– Та ты Шо! Какой домой!

Ее отец схватил меня за шею и потащил на кухню. Налил мне водки и себе. Заставил выпить. Я же не пил никогда и начинать не хочу! Короче, я эту водку принял на грудь, причем в прямом смысле. Сделал вид, что выпил, а на самом деле вылил ее, как сказать, ну, за воротник. Видите, я мокрый? И от меня воняет! Хорошо, что свитер у меня толстый и рубашка под ним.

– Хорошо пошла! А машина у тебя есть, Шоб нашу Танюху по магазЫнам возить? – продолжал папа.

– Нет. Я же студент еще.

– Тю! А батя твой – Шо, не купил тебе?

– Отец считает, что я на все должен заработать сам. И я с этим согласен. Извините, можно мне отлучиться на пару минут?

– Шо? Куда?

– В туалет.

– Иди. А мы пока нальем.

Я вышел в коридор, стал собирать свои вещи. У меня было такое чувство, что собирал я их со скоростью света! Тихонько приоткрыв дверь, услышал слова Таниного папы о себе:

– Доць, ты Шо! На кой тебе этот без машины! Он же Х... НА БОСУ НОГУ! То есть бедный!

– Па, я тоже так думаю.

В этот момент я так обрадовался, что у меня нет машины, что я им не нужен такой. Но по дороге к вам я все же

выбросил свою SIM-карту, чтоб уж наверняка она меня не нашла. Хотя и обидно, что меня назвали так, однако счастья от освобождения больше. Вот так вот! Извините, что вам не помог, но причина-то, согласитесь, уважительная!

– Где же ты такое сокровище нашел? Где познакомился? – спросила Динэль.

– На фотосъемке. Она была моделью.

– Это была не фотосъемка, а фотосъем. И судя по твоему рассказу, непонятно кто кого снял! – подметила я.

– Согласен. Злорадствуй! Я еще не рассказал про ее маму и маленького брата. Захожу я к ним и вижу: сидит на полу пацан такой маленький, где-то года три, и бьет настоящим тяжелым молотком по деревянной досточке. Шум ужасный! Можете себе представить, да? И мама на тонких «железных» шпильках рассекает по дому. Короче, Dolby Stereo! Я офигел. До сих пор голова разрывается! Дайте мне крепкого чая.

– Сейчас принесу, – сказала Дина и пошла на кухню.

– А вы тут без меня не скучали, я вижу. Кто это придумал заклеить стену в туалете картоном? Ты придумала, «человек с татуировкой в виде шиповника на запястье»?

– Чего это сразу я? Может, это Лиса предложила?!

– Ха! Ник, не смейся меня! Это же ты в детстве «Буратино» пересмотрела! Отпечаток на всю жизнь остался. В общем, я, гений-программист, заклею это все дело дисками! И будет классно! И прямо сейчас пойду за болванками в магазинчик. Здесь есть рядом с домом.

Дима быстро оделся и выбежал из квартиры. В эту минуту пришла Динэль с чаем.

– Куда он делся? Я зря заваривала?

– Почему зря? Я выпью. Дима за дисками в магазин пошел. Придет – все объяснит. Лиса, а ты не хочешь? Чего молчишь? Задумчивая какая-то. Слишком задумчивая. Аж холод по спине от непривычного твоего состояния. Страшно.

– СРашно? Диченки, не, не срашно. Я просто думаю о сРанном слове. В универе дядечка сегодня на лекции его говорил. А какое слово – я не помню! Такое незнакомое, сРанное очень.

– В смысле странное?! Да? – уточнила Динэль.

– Да, такое...

– Лис, там, где мы сегодня были, оно все сРанное очень. А значит, не стоит даже думать об этом.

– Ника, ты вот тоже уже начинаешь! Странное! Неужели сложно?!

– Ну вот, Дин, сейчас нет никакой ошибки. Лиса просто молодец! Подобрать точнейшее слово для характеристики учебного процесса!

– Спасибо. Только я не очень поняла, о чем вы говорите. И слово все равно буду вспоминать, – наморщила лоб Лиса.

– Да ладно... – едва начала я, но внезапно меня перебил влетевший в квартиру Дима.

– Вы не представляете! Я в магазине познакомился с очень красивой девушкой! И она тоже программист. Говорит нор-

мально, одевается нормально, красится нормально.

– Дима, ты выпил две таблетки на голодный желудок! Тебе, наверное, все показалось. А если даже не показалось, то этот кто-то нормально говорящий, нормально одетый и накрашенный – Эдуард, продавец-консультант. И твое слабое зрение здесь ни при чем. Наш Эдуард очень женственный.

– Я тебя сейчас, сестренка, огорчу. Посмотри в окно. Все посмотрите!

Мы посмотрели в окно и увидели девушку, очень даже приятной наружности, стильно одетую. У нее были кудрявые черные волосы. Действительно симпатичная.

– Нет, это все бред. Это нам все кажется, мы же заклеивали стену и надышались клеем. Всего-навсего! Только в этом разгадка происходящего.

– Нет, Дина, мы ее лицезреем. Да, она нормальная. По виду. Я подчеркиваю: по виду. На самом деле, с ней определено что-то не так, что-то очень-очень не так... Дима, скажи, она с тобой познакомилась – или ты с ней?

– Не придирайся, Ника! Какая разница?! Ну, она...

– Вот. Вот! Точно – она с прибабахом. Вы еще вспомните мои слова.

– Почему с прибабахом? Со мной что, нельзя познакомиться?

– Можно, Дима, можно. Но нормальной – нет. Анализируем ситуацию. Вечер. Симпатичный, неглупый Эдуард продает диски. Там еще были парни?

– Были. И что?

– А то, что ты, Дима, вваливаешься вечером в маркет в своей бело-оранжевой куртке из бутика «Антошка». Это правда, я не вру. Мы вместе покупали. А тебе все-таки двадцать! И в черной шапочке, по форме похожей на детское питание. Его продают в картонных треугольничках. А твоя шапочка как раз именно такой формы. В общем, красавец! И она к тебе подходит. Вывод: она извращенка, она тебе не подходит, хоть сама к тебе и подошла.

– Вряд ли она знает, что моя куртка из «Антошки». А несусветные ассоциации по поводу меня возникают только у тебя!

– Не кипятись, лучше скажи: что это за парень с ней рядом? – спросила Дина.

– Сказала, что ее брат Саша. Кстати, мою новую знакомую зовут Надя. Запомните это имя!

– Ага. Даже так. То бишь ты уже на подсознательном уровне чувствуешь, что будет что-то, как всегда, нехорошее. И мы просто обязаны запомнить это имя, дабы у ментов была хоть какая-то зацепка.

– Ника, не в бровь, а в глаз... Только надо записать еще ее адрес и телефон.

– Зря ты, Дина! Может, я влюбился с первого взгляда.

– Зная тебя, мой маленький глазастый несуразный плоскостопик, это невозможно. У тебя вся любовь на уровне Деда Мороза.

– Вот сейчас, Дин, последнюю реплику я заценить не могу, потому что ничего не понял. Ты тоже о том, что я верил в Деда Мороза до двенадцати лет? Но он и любовь – какая связь? Я же в него только верил, я же его не любил!

– Я о том, что Дед Мороз на лыжах изображен даже на твоих трусах... И вся любовь у тебя тоже там.

– Откуда ты знаешь, какие у меня трусы?

– Все знают.

Мы хором кивнули.

– Да, знаем, потому что ты их под самую грудь подтягиваешь. И когда наклоняешься – все видно.

– Оставьте в покое мои трусы. Мы, вообще-то, говорили о Надежде. И о том, что это, возможно, любовь.

– В таком случае у меня стихотворение по поводу. Оно серьезное.

Скільки нас, що вогнем спалахнули,

Та оманливим, надто слабким,—

І почаділи, і не збагнули,

Що вдихаєм не кисень, а дим.

Динэль была довольна своим поэтическим чтением. И гордо села в кресло.

– Объясняю смысл: все у вас закончится сексом, и вы расстанетесь. Какая-то она мутная. Я даже из окна это вижу. Что-то здесь не так. По крайней мере, я до сих пор по поводу

твоих пассий не ошибалась.

– Ладно, ладно, Ника. Уверен, что на этот раз ты ошибаешься. Я с ней созвонюсь, и мы встретимся.

– Диченки, что такое «абетка»? Это что-то по-украински? – внезапно спросила Лиса.

– Ты совсем сейчас нас не слушала, не слышала, не вникала в разговор?

– Дина, я же слово вспоминала! Что это такое – «абетка»?

– Азбука, алфавит. А, Б, В, Г, Д... И так далее. Поняла?

– Да, спасибо, Дина. Только теперь непонятно, зачем для А, Б, В, Г, Д... такое прибацанное название нужно. Сранное название... Абетка, азбука...

– О Господи. Это все долго объяснять. Ты только у преподавателей об этом не спрашивай. Я тебе просто дам книжку почитать об этом.

– Хорошо, Ника.

– А что за книжка? Букварь?? Это книга «про это...», про абетку... – ухмыляясь, спросил Дима.

– Дмитрий, если Вы забыли, я напомним: я и Лиса – филологи, поэтому это будет не Букварь, а какая-то сложная и гадкая муть о становлении алфавита, которую написали якобы умные люди. Которые вместо того, чтобы, например, убрать у себя в квартире, вынести мусор, помыть посуду, сходить в магазин, сделать подарок близким, сидели сутками в библиотеке, рылись рыльцами в источниках знаний, чтобы потом издать свою омерзительно скучную книженцию на пре-

красной бумаге. По ценности не уступающей туалетной – бежевой и быстро рвущейся...

– Это новое слово о науке. Однозначно. Ника, твои родители террористы? Они хотят, чтобы ты стала филологом и подорвала всю грамматическую, синтаксическую, стилистическую систему? А по виду они очень хорошие, вполне респектабельные люди. Так сразу и не догадаешься, что родители твои террористы, угроза обществу.

– Это они меня терроризируют тем, что запихнули в такое заведение. А слова я люблю, речь полновесную, яркую, но преимущественно – свою. Я научных деятелей не люблю. Не всех, конечно, а именно наших преподав. А за идею разрушения системы отдельное спасибо. Отличная идея. Подумаю над этим, Дин. Но, по-моему, мы уже наговорились. Завтра встретимся.

– Может, и встретимся, но не в полном составе, – гордо заявил Димка.

– Дезертируешь? Что, Вы уже договорились, милорд, о свидании с Надеждой?

– Да. Я, моя милая, но гадкая сестренка, времени зря не терял. Я переписывался. И вот SMSка от нее. Зачитываю: «Хочу завтра провести с тобой время. Мне уже не терпится. Целую. Надя». И целых три смайлика!

– Наконец-то я нашла в ней изъян! Ура! У нее три глазика или три рта. Почему это она три смайлика отправила? У тебя же зрение плохое, и был ты без очков. Вот и не заметил трех

ее ртов. Ну, ладно, это так, в порядке бреда. А если серьезно, то она не очень-то «тяжелого поведения». Знаешь, есть «fast food», а она «fast Надя». Час назад был «Привет» – и вот уже «не терпится». Она тебя еще удивит.

– Посмотрим, Ника, посмотрим. Прямо завтра. И мне нравится такой темп развития отношений.

– Намек: fast food вреден для здоровья. Все! Освобождаем обитель Динэль.

Глава 5

В этот вечер Димка готовился к завтрашнему свиданию с Надей.

– Нет... Синяя рубашка... Однозначно нет. Она подчеркивает мои синие круги под глазами, а не цвет глаз. Может, розовая? Нет. В ней я похож на поросенка. В принципе, поросята неплохие животные, тем более в нашей-то стране – свинюшенции в хозяйстве показатель благосостояния, так сказать. Но если бы я был похож на отдохнувшего поросеночка, тогда можно было бы надеть розовую. Мешают круги синюшные под глазами. Однозначно мешают! А вообще – симпатично! Синий и розовый хорошо оттеняют, подчеркивают друг друга. Боже, что за бред я несу! Мне ведь завтра на свидание с Надей идти, а не в военкомат косить от армии! Хотя, может, стоит намазаться маминым кремом для снятия следов усталости под глазами? Все это, конечно, у меня из-

за компьютера. Устал, пока писал курсовую. Нет, наверное, мазаться не стоит. А то, если крем на моей рожице заметит папа, будет не снятие следов усталости, а снятие следов побоев. Старичок не переживет. Подумает, что я гей. Так, все! Нужно найти приличную рубашку. Ага. Темно-серая в мелкий черный цветочек. Надо сейчас позвонить Наде и узнать, слушает ли она группу «Ласковый май», любит ли сельских баянистов. Если да, то стоит надеть именно эту рубашку. Впрочем, если она такое любит, думаю, нам нет смысла с ней вообще встречаться. О, у меня еще есть красная...

– Дима, ты чай будешь? – спросила мама, заходя в комнату. – Кстати, не знаю, куда ты собираешься, но в красной рубашке ты похож на Трубадура из мультфильма «Бременские музыканты». Или же на мальчика, которого прокляли, а может, сглазили цыгане. И теперь он каждый вечер превращается в цыгана. Потому что только так можно объяснить твой выбор этой рубашки... В общем, безобразный ты! НЕ идет совсем.

– Спасибо, мама! Ты же сама мне ее покупала. Аргументируй свой выбор.

– Не хочу признавать ошибку, поэтому скажу: это происки продавцов, мне ее подбросили, подменили. Чай будешь?

– Буду какао.

– Принесу через пять минут. А ты выбери что-нибудь приличное.

– Легко сказать. Да... что же надеть? Завтра прохлад-

но. Может, свитер? Какие-то все свитера «гуцульские». Эти вышивки придурастые. В свитере я похож на тракториста. Опять и снова несу бред! На тракторе, наверное, летом работают. Так... Если бы я был девушкой, какого парня хотел бы видеть рядом? Кто у нас из актеров плоскостопик и подслеповатик? Все, хорошо! Я не девушка, слава Богу, поэтому надена любимый черный гольфик и серые джинсы. Интеллигентный и скромный – вот как я себя именую. Ура! С одеждой покончено. Надо бы в комнате убрать.

– Вот твое какао. Убери в комнате. Я пошла посмотреть сериал.

– Спасибо. Мам, а почему за время моего летнего отдыха ты поменяла в моей комнате обои?

– Идиотский вопрос! Старые были. Надо менять. Мы же не бедные, слава Богу. У нас есть возможность освежить твою комнату.

– Ни фиги себе освежить! Зачем же розовые обои клеить?! Мама, ты родила сына. Я – мальчик.

– Во-первых: не розовые, а малиновые. Во-вторых: ты сам цвет выбрал. В-третьих: поклеили два месяца назад, а заметил сейчас. Я в шоке! Чего этот вопрос тебя раньше не волновал? Ты же все время в комнате сидишь за компьютером!

– Вот именно: сижу за компьютером, кроме него – ничего не вижу. Можно сказать, ухажу в «астрал». Специальность такая – программист. Ты в шоке? Это я в шоке! Чего это я, вообще, выбрал себе малиновый цвет? Не может такого

быть! Ты сама что-то напутала.

– Говорила я отцу: не надо отдавать тебя на программирование. Хорошо, хоть мать узнаешь. Значит, я тебе на «отдых» твой звонила, спрашивала, на какой странице журнала «Интерьер» понравившийся тебе цвет для стен комнаты. Сама удивилась, когда сказал – на пятьдесят пятой. Там же все малиновое. Ну, думаю, ладно. Модно.

– Я же от фонаря сказал. Не думал, что так будет!

– Вот и сиди теперь... под фонарем! Я пошла.

– Сериал смотреть?

– Нет. В первую – очередь табличку изготовить с надписью «Дима, я твоя мама». Чтобы ты не забыл, как выгляжу и кто я. Буду ходить теперь с табличкой. А во вторую очередь – купить или взять костюм у железнодорожников. Яркий такой, оранжевый, а то обои он заметил спустя два месяца! Глядишь, и меня перестанешь замечать. Пей какао, пока не остыло.

– Мам... ну извини.

– Совсем задолбался ты с компьютером своим! Свихнешься скоро. Хоть бы женился, что ли. Может, собраннее стал бы! А то из собранного в твоей комнате – только пазл и системный блок.

Мама пошла смотреть сериал. А Дмитрий продолжил начатое.

– Да, цвет стен не из фильмов о Джеймсе Бонде... Комната похожа на винегрет. Как я этого не замечал? Сожалею,

что не дальтоник! Буду надеяться, что Надя дальтоник. Я же мужчина, и мне нужна спокойная, сдержанная обстановка. А здесь оформление стен, и этот красный тюль, и салатные шторы напоминают интерьер немецкого борделя! Друг еще фотоснимки из Германии привез, из этого заведения. Втихаря их наклепал, пока никто не видел. Так сказать, следы его стопроцентного бытия вот там вот. Конечно, ему двадцать семь уже. Ему можно. Гад! Я бы тоже хотел там побывать! Хотя... Может, моя мечта и сбудется скоро, вернее, так скоро, что аж завтра. И цвет стен и вообще все оформление только помогут в этом. Так что, может, зря я расстраивался? Все. Сейчас всю одежду затолкаю обратно в шкаф. Закрою его на ключ, чтобы ничего ненароком не вывалилось. Я не складываю рубашки, поскольку мне нравятся фильмы, где на героев скатывается снежный ком с горы и они потом все хором, все дружно выбирают из-под завалов! Так и я чувствую себя героем, когда выбираюсь из-под кома одежды, которая выпадает на меня из шкафа всякий раз, когда я его открываю. Да, это не потому, что я не люблю опрятность, а потому что каждый парень, мужчина обязан, должен почувствовать себя героем – даже таким вот способом! Ну, хватит болтовни... Вытираю пыль и ложусь спать. А очки все-таки надо носить. Хорошо, что интерьер моей комнаты оказался похож на интерьер немецкого борделя. Не на морг похож – и славненько! Вон как красочно, веселенько. Лишь бы не мрачно. Итак, спокойной ночи, Дима Бонд.

Глава 6

– Черт, надо же... Послушался Нику! Дурилище! Шапочка у меня не такая! Форма, видите ли, у нее треугольничка, пакета с детским питанием, сока «Тотошка». Козлина, чего я ее не надел. Ну и ветер! Сыро, противно. Мерзость! Чтобы я еще раз ее послушал! Да, на улице ноль градусов, но в уши дует сильно, а капюшон я не надену. Лучше быть похожим на «Тотошку», чем на Анатолия Вассермана! И эта Надя еще: «Давай встретимся в парке». Чего тебя в парк поперло? Что, сразу в кафе нельзя было? Стою сейчас с этим букетом из игрушек для нее и думаю, как бы мне сейчас хотелось поывдергивать всех этих мишек и котиков и замотать ими свою башку! И беседки здесь никакой нет! Сволочи! Даже некуда стать. Под дерево – бессмысленно, листьев-то нет. Дерево зимой – не дерево, а крюченая, скрученная палка. Вариант есть, конечно: залезть под скамейку или надеть ее себе на голову, но думаю, меня не поймут. О, идет, наконец-то. Еще пять минут, и я бы тебя окончательно возненавидел! – мысленно говорил я себе.

– Привет, Дима! Извини, что опоздала.

– Ничего, Надь, на улице хорошая погода. Хорошо, что вообще пришла. Этот букет тебе.

«Да, хотел бы я тебе все сказать...»

– Из игрушек?! Оригинально, спасибо.

- Пожалуйста, рад, что понравился. Ну, пойдём в кафе? А то я всегда ненавижу сказки про Снежную королеву.
- При чём здесь Снежная королева?
- При том, что ты сейчас замерзнешь и станешь на неё похожа. Пойдём в кафе!
- Давай сразу к тебе домой, а то у меня времени мало.
- Хорошо. У меня никого дома нет, кроме торта, хорошего чая и всех сезонов сериала «Теория большого взрыва». Такая компания подойдёт?
- Угу. Пошли скорее.
- «Да... Странная. Если бы я был девушкой, то не пошёл бы на первом свидании к парню домой, даже к такому, как я. Хотя...»

Мы пришли ко мне домой, и она сразу начала на меня кидаться. Не с ножом, конечно, а в порыве страсти. Я ей говорил, что мы мало знакомы, вернее, вообще практически незнакомы. Но потом я подумал: может, я действительно такой шикарный? И согласился. Короче, переспали мы. Потом она сразу собрала вещи и ушла. Даже чаю не попив. Сказала, что позвонит, когда будет время, обычно, мол, она слишком занята. Ну, в принципе, и на этом спасибо, подумал я. И ещё подумал, что моя комната не как немецкий бордель, а и есть немецкий бордель в некотором роде.

Глава 7

Вечером мы собрались у Динэль. Сегодня Дмитрий намеревался осуществить заклеивание стены дисками. Картон, видите ли, его не устраивает!

– А ручонки-то коротенькие. Шиш до потолка достанешь!

– Ника, я понимаю, ты язвишь из-за того, что твоя идея с картоном не прокатила. Мне же Дина разрешила заклеить все дисками. Вывод: твоя идея ей не нравится! Вот так. Как я тебя?

– Дима, вывод первый: мне просто интересно, сможешь ли ты это сделать. И второй: любопытно смотреть на тебя запачканного в клею, взъерошенного, – улыбаясь, сказала Дина.

– Понял? А то «твоя идея не катит»! – пробормотала я.

– Ладно, ладно... все равно с дисками будет лучше. А даже если лучше не будет, то я просто вспомню детство, уроки труда, насвинячу вам, ничего не уберу и уйду домой.

– Да ради Бога! Делай!

– Спасибо, Дина.

– Так что твоя Надя? Не сказала, когда снова позвонит?

– Думаю, больше не позвонит. Ненормальная она какая-то. Вот так сразу прыгать к парню в постель. Нет, я не жалею, но просто я, как всегда, ищу девушку для серьезных, длительных отношений, а тут... Как мне ни противно это признавать, но ты, Ника, была права.

– Где-то глубоко в душе моя правота меня радует. Но эта радость не абсолютна потому, что Надя была симпатичной. По крайней мере, из всех тех девушек, которые «находились

в твоём распоряжении».

– Ну ее! Лучше расскажи, как день провели.

– Были на дне рождения у Виты, одногруппницы.

– Это та, которая ходит в красной лаковой куртке? С эмблемой какого-то украинского футбольного клуба? В очках? На голове у нее типа серебряный обруч? И все это дело завершает дешёвая оранжевая резинка для волос? Причем акцент надо делать на слове «оранжевая», так как она совершенно не в тему. Впрочем, как и все остальное. Она?

– Ничего себе! Какое точное описание, – сказала Динэль.

– Такое не забудешь! Если бы даже хотел забыть, не забудешь. Этот образ будет преследовать меня всю жизнь. И что там было, на дне рождения?

– Да пьёт наша Вита по-чёрному. Сначала вина бокала два, потом водки граммов двести и спирта влила в себя напоследок. «А напоследок я... волью».

– Я думал, она не пьёт. Вид у нее заучки, несмотря на красную куртку.

– Мы тоже так думали. Гости нажрались, угашенными все были. Но самое сильное впечатление произвела тетя Виты, которая встречала гостей. Каждого заходившего в дом гостя целовала в засос! Видать, думает, что она Мадонна, поскольку только Мадонна так любит это дело.

– Ага, вспомнить ее поцелуи с Агиллерой и Бритни Спирс. Но проблема тети Виты в другом. Она не подозревает, что она не Мадонна. А всего лишь тетенька с золотыми

зубами, плохо крашеными блондинистыми волосами и в отвратительной розовой кофточке, расшитой разноцветными стразами. Мы ушли оттуда через двадцать минут, сослались на то, что нам нужно в библиотеку. А нам туда действительно было нужно. И я понимаю, почему Вита пригласила всех на десять утра. Там столько бухла – квасить до вечера, как минимум, – добавила Динэль.

– Да, сочувствую вам, девчонки. Я, как и вы, не люблю людей, которые не могут поднять себе настроение без выпивки. Это не нормально – пить, чтобы веселиться. Если тебе в этой жизни радость, хорошее настроение приносит только алкоголь, то жить незачем, ведь ты просто жалкий и ничтожный. Не жалок и ничтожен – эти слова означают временное состояние, состояние в данный момент. Мало людей имеют силу бросить пить. Поэтому их жизненное положение остается неизменным до конца дней. Временное становится постоянным. Такие «особи» навсегда остаются жалкими и ничтожными. Это все очень грустно, если серьезно задуматься. Ника, а где Лиса?

– На диване валяется. До сих пор в себя прийти не может. А причина в том, что сегодня мы посетили библиотеку...

– Дима, ты знаешь, там так сРашно, – услышав наш разговор о библиотеке, вышла из комнаты Лиса. – Там такие все некрасивые, непонятные. Я пока искала книжку на третьем этаже этого здания, вспомнила всех святых, Бога. Ух!

– А поподробнее – что там стряслось?

– На меня накричали.

– Почему? За что?

– Я в шоке от всех. У меня стресс. Пойду опять на диван, прилягу. А выходила я, чтобы сказать тебе «Привет». Привет, Дима.

– Привет, Лиса. Ты не перестаешь меня удивлять. Иди, отдыхай. А Ника мне все расскажет.

– Дело в том, что Лиса не самой библиотеки, не библиотекаршей испугалась, а мальчика, который ходил за ней по этажам библиотеки.

– Вернее, не за ней, а просто ходил. Он из нашего университета, историк. Ему нужны были книги по истории, собственно говоря, как и Лисе. Поэтому он ходил не за ней, а с ней. А то, Ник, Дима подумает, что этот историк маньяк, – добавила Динэль.

– Это Лиса подумала, что он маньяк, и когда ходила по этажам – молилась, оглядывалась, дергалась. А в шоке Лиса от внешнего вида паренька. Ему где-то девятнадцать – двадцать, но он горбат и носит ужасную одежду. Или одежда не столько ужасна, сколько он ее ужасно носит. Он рубашку свою белую заправляет в брюки, а брюки натягивает аж под грудь. Потому вид у него не ахти. Но больше всего она испугалась его голоса. Ситуация такая: много людей до нас заказывало книги, и, когда все ушли (остались только мы вчетвером: я, Дина, Лиса, историк), библиотекарша решила проветрить помещение. Мы были не против. Душно было. Лиса

так перетрусилась от этого историка, что решила подойти к окну, немножко воздухом подышать и просмотреть книгу. В эту минуту подходит сзади к ней историк и говорит очень низким голосом, при этом шепелявит: «Вы потом дадите мне книШечку проШмотреть?!» Лису так трухануло, что она эту книжечку случайно, с перепугу в окно выкинула. Ну, сам понимаешь, почему библиотекарша кричала. Она же не поняла, что девушка не каждый день «таких» встречает. В общем, все устаканилось. Книгу вернули, да и я потом библиотекарше рассказала, почему так случилось. Ты бы видел, как она хохотала.

– Ну, даете... Знаете, какой позитив в этой ситуации? Никакой! Хотя нет – есть еще один повод поприкалываться над Лисой. И вас точно в библиотеке запомнили.

– Тебе смешно, а я испугалась, – прокричала Лиса из комнаты.

– Ты лучше встань и посмотри, как я все красиво доделал! И еще: все, что я сделал, – это программистское святотатство. Я же святым обклеил стену – дисками. Это все рано, что для филолога книгу порвать. А я ради красоты в доме Дины пожертвовал сакральным. Потому что я эстет.

Лиса подошла к нам, и мы все дружно уставились на стену.

– Теперь не страшно заходить в туалет, а «моторошно», – сказала серьезно Дина.

– Согласна, особенно утром и ночью.

– Чего это, Ника, тебе страшно? Чего именно утром и но-

чью? – обиженно спросил Дима.

– А того это, что утречком все явно не очень хорошо выглядят. И это нормально. А вот твои «зеркальные» диски в туалете – это точно ненормально. Отражают же все и всех. А ночью – тем более страшно. Изображение искажено. Себя и то не узнаешь спросонья. Как-то вообще неприятно... Признайся честно: ты давно смотрел программы с Сергеем Зверевым или про Зверева? Думаю, что только у него может быть стена в туалете зеркальная. А у нас – имитация зеркала. Так сказать, эконом-предложение.

– Во-первых: у Зверева может висеть зеркало не на стене, а на двери, на внутренней ее стороне. Хотя... и на стенке тоже, конечно. Это если рассуждать логически. А во-вторых: тебе неприятно, что твою примитивную картонную работенку заклеили.

– Да, Дмитрий, признаюсь, немного бешусь. Но диски – все-таки передоз. Эту экспозицию мы можем назвать «Зеркальная струя. Эконом-вариант». Дина, хочу тебе сказать, хорошо, что у тебя дверь не сломана, а то он бы ее дисками обклеил.

– А ты, Ника, обклеила бы ее картоном! Нет, я молодец. Я творческая личность! Просто креативщик! Завидуй мне, Ника, завидуй.

– Ник, Дим, вообще-то, неважно, как выглядит стена и чем она заклеена. Слушать вашу дискуссию – вот что мило и вот чего вполне достаточно! Признаться, я была бы не про-

тив, если бы вы еще чего-нибудь заклеили в моей квартире. И желательно наперегонки. Вот был бы ржач!

– Спасибо, Дин. Я снова, к моему глубочайшему сожалению, вынужден согласиться с Никой, что получилось несимпатично. Стена стала какой-то перекошенной, скосеженной! Но есть и достижение: у Ники было не лучше. И это меня несказанно радует!

– Да, у меня получилось уродливо, признаюсь. Так что один-один! Все! Уже пора уходить. Алису надо домой проводить, а то она до сих пор не в себе. Да и Диме от клея отмыться следует. Завтра нам нужно быть на вечере у знакомых папы Димы. Помните консервативную тетеньку, которая сидела у меня дома, когда мы завалились ко мне после универа? Она еще тогда прочитала мне лекцию о том, что темно-синие брюки нельзя носить с розово-зелеными кроссовками. Ее зовут Эмилия Константиновна. Она готовит какой-то проект. И хочет, чтобы все мы были завтра в ресторане... Так что одевайтесь бледненько, серенько.

– Да, ничего не скажешь, у моего отца странные друзья.

Мы быстренько разбросались по домам. Дима сразу пошел спать, а я, зайдя в квартиру, обнаружила какую-то незнакомую девушку у себя в комнате, которая рассматривала мои диски. Из соседней комнаты раздавался смех моих родителей и еще чей-то. Велась бурная беседа.

– А-а... Вообще-то, я никогда не мечтала, придя вечером домой, увидеть у себя в комнате незнакомую девушку. Вот

увидеть симпатичного парня с букетом тюльпанов и готовым ужином – да. Ну, если бы ты была хотя бы с ужином, а не с моими дисками, я бы, может, и обрадовалась. И кто же ты, незнакомка?

– Я рада, что тебе нравятся парни. Мечта хорошая. А парни нравятся такие, как Backstreet Boys и Eminem? – рассматривая мои диски, сказала она.

– Да, такие. Кто ты? Как тебя зовут?

– Меня зовут Маша. Моя мама работает с твоей мамой. И они решили нас познакомить. Они в соседней комнате разговаривают.

– Это я слышу. Живенько беседуют. Ну, рада знакомству. Я Ника – наверное, ты знаешь. Интересно, с моей мамой не работает ли случайно мама Энрике Иглесиаса, например?

– Нет, к сожалению. Я бы сама познакомилась с его мамой и с ним. А тебе он нравится?

– Не очень. Просто это было первое имя, которое пришло мне в голову.

– Да?! Но он такой сексуальный. Хотела бы я с ним переспать.

– Понятно... Может, мы все-таки пойдем чего-нибудь поедим? И мне нужно поздороваться с твоими и моими родителями.

Я познакомилась с Машиными родителями. На вид довольно-таки милые люди. Мы пошли на кухню. Я взяла себе салат, а Маша сказала, что хочет овсяную кашу. Меня этот

выбор очень удивил, ведь в холодильнике было много продуктов. Благо, каша – тоже.

– Ты хочешь кашу, потому что ты Маша? Или ты на диете?

– Нет, я не на диете. С кашей у меня связаны приятные воспоминания.

– Ничего себе! Я думаю, что у большинства жителей нашей страны каша вызывает далеко не самые приятные воспоминания. Я бы сказала, что она вызывает грусть. По крайней мере, у меня – точно. Потому как наша семья ела кашу тогда, когда дома не было ничего, кроме нее. Не было денег на другие продукты. Да и сахара тоже не было. Ужасные времена. Мне тогда было лет десять. Или кашу едят, когда проблемы с желудком. Но чтобы вот так сейчас, имея набитый холодильник вкусностями, есть кашу и искренне кайфовать? Ты меня удивляешь! Что же в ней кайфового?

– Овсяная каша по цвету и по вкусу напоминает мне сперму.

Я сейчас искренне пожалела о том, что в этот момент ела.

– Ты знаешь, хоть я и худая, но я много ем, особенно по вечерам. И от этого сложно отучиться. Но ты меня за секунду этой репликой отучила. Я думаю, что и завтра поесть не получится – ассоциации будут возникать неаппетитные.

– Ну почему? Это же так классно. Есть и вспоминать!

– А ты, кроме каши, что-нибудь еще ешь?

– Конечно! Но кашу больше всего. Я люблю сексуальные продукты. Например, бананы...

– Хорошо, хорошо. Как там учеба у тебя, оценки? Любишь ли ты рисовать, собирать пазлы, прыгать на скакалке?..

– Меня удивляют твои вопросы?!

– Я просто хочу съехать с этой темы.

– Тебе не нравятся темы о сексе?

– Не в тот момент, когда я ем. Просто я очень хочу есть!

И когда ты уйдешь, я думаю, что нормально, без ассоциаций я поесть не смогу.

– Ладно, не будем о продуктах. Просто я обычно не говорю ни о чем, кроме секса.

– Хорошо, я сейчас поем и мы обсудим волнующие тебя вопросы. Не против?

– Идет.

Я постаралась что-то съесть, но аппетит таки пропал. К тому же в эту минуту у Маши зазвонил телефон, она достала его из кармана. На телефоне висел брелок – мягкая игрушка в виде члена, и прежде чем ответить на звонок, она его поцеловала. Со стороны это выглядело вполне дебильно. Она разговаривала с кем-то по телефону минут пять, очень сильно смеялась, затем, улыбаясь, положила трубку.

– Ты, Ник, даже не представляешь... Такая смешная ситуация! Короче, вчера мы все бухали на хате у моей подруги. Было человек десять. Ну, и мы так набухались... Короче, мега. А когда проснулись утром, короче, у всех волосы были заблеваные. Короче, моя подруга до сих пор отмыться не может. А я отмылась. Волосы чистые, видишь!

– Дай Бог здоровья создателям той марки шампуня, которая тебя отчистила. Скажи мне название марки, я найду их почтовый адрес и напишу письмо с благодарностью. И спасибо тебе, что вымыла голову, а не приперлась ко мне «такая».

– Ну, это же все нормально. Это последствия хорошего гульбаса. Главное, что было супер. А что, у тебя такого не случается?

– Нет, и случиться не может. Потому что я слишком сильно себя люблю. А валяться угашенной и облеванной по собственной воле – отвратно. Как после этого можно спокойно смотреть на себя в зеркало и продолжать себя уважать.

– Ты какая-то скучная! Это же молодость! По-другому никак! Короче, я не понимаю, как по-другому можно веселиться. Вот как ты проводишь свое время?

– Думаю, ты не поймешь, поэтому рассказывать не стану. Твое «веселье» называется словом «блядство», причем тупоблядство. Пользы от него никакой в будущем не будет. Ну, а «молодость» твоя называется «распушенностью», и от возраста она никак не зависит. Это либо есть, либо этого нет. Может, мы лучше пойдем присоединимся к беседе наших родителей? Посидим вместе с ними?

– Ну, давай...

Мы сели вместе с родителями за стол. Они разговаривали о скучных рабочих вещах. Меня о чем-то спрашивали, я что-то отвечала, но все же это было во сто раз лучше, чем нахо-

диться под словесным водопадом кристальной безмозглости Марии. Вскоре они от нас ушли. Надеюсь, больше не придут. Никогда, надеюсь. Вы знаете, дурость гнусных, испорченных людей умеет катастрофически утомлять, поэтому сразу после того, как дверь нашей квартиры захлопнулась за нашими «гостями», я пожелала спокойной ночи родителям и пошла в свою комнату, так толком ничего и не поев. Перед сном я подумала о том, как сложно парням найти нормальную девушку. Посочувствовала Димке, порадовалась за себя, что я не парень, и уснула.

Глава 8

Воскресенье. И мы идем в ресторан. Дорогой ресторан. Эмилия Константиновна устраивает какой-то праздник. Посмотрим, что грядет сегодня.

– Дима, умоляю, укради что-нибудь! Стань вором!

– Ника, что за бред?

– Говорят, на воре и шапка горит. Поговорка такая. Я мечтаю о том, что с твоей шапочкой что-то нехорошее случится. Уж очень она отстойная. Вот сейчас твое туловище красиво, а башка как у пугала, потому что шапочкой «обернута».

– Давайте вы не будете спорить. Мы просто зайдем в ресторан, и проблема с шапочкой сама собой решится, – сказала Динэль.

– Вы ее бросите в печь и она сгорит? Вы злые.

– Нет, Дима, я просто надеюсь, что ты ее снимешь. В помещении тепло, как-никак. Это же логично.

– Ты гений и логик, женщина – ДИНОзаврик в свитере, извините, в платье-свитере и бусиках. Потрясно выглядишь!

– Спасибо, Ник.

– Я замерзла. Задвигаемся внутрь.

– Я бы удивилась, если бы ты не замерзла – приклепать в осенних сапогах зимой, Лиса!

– Дина, я же не виновата, что в магазинах зимой скидка на осенние вещи. И вообще, они симпатичные, мне идут.

– Идут-то идут, но главное, что ты в них идти можешь. Все, заваливаем. Я даже при входе готов снять шапочку.

Когда мы вошли в ресторан, нас встретила Эмилия Константиновна. И вручила нам флажки с фотографией своей дочери Лизы.

– Сегодня великий день! Моя дочка участвует в конкурсе красоты «Мисс-зима». Поддержите ее и меня – машите флажками. Я же сюда столько денег бахнула!

– Хорошо, Эмилия Константиновна, – сказала Лиса и схватила флажки. – А зачем вашей дочери конкурс красоты? Ей же пять лет только.

– Это не столько ей нужен конкурс, сколько мне. Я ведь ее родила. Она мой жизненный проект. В кого же мне еще деньги вкладывать?!

И Эмилия Константиновна побежала договариваться с репортерами, чтобы те побольше, получше и покрупнее сни-

мали на камеру ее дочь.

– Как хорошо, что у нее нет собак и кошек! – сказала Дина.

– Почему?

– Потому что, Дима, я животных люблю, а детей не очень.

Пусть лучше над дочкой своей издевается, чем над собаками с котами.

– А мне жалко ее Лизу. Думаю, в будущем Эмилия все будет за нее решать. Вот помню, когда она к нам домой пришла, я как раз докрасила батарею в своей комнате. А батарея у меня в красный цвет покрашена. Так она зашла и говорит: «Ника! Ника! Ты что! Твои родители знают, что ты портишь вещи?!» Она схватилась за сердце, я принесла ей «Корвалол». И потом она мне минут тридцать рассказывала о том, что батареи должны быть белыми, тюль тоже, двери коричневыми или белыми. И т. д. Она не воспринимает новые интересные вещи, явления. Она не понимает, что такое творчество, креатив! Не повезет дочери, если она вырастет творческим человеком.

– Да, Ника. Я согласна с тобой. Посмотрите, какой темный ресторан!

– В смысле мрачный, Лис.

– Все какое-то серо-коричневое... Дорого, но серьезно и скучно. Я бы не стал проводить здесь конкурс красоты. Вообще любой конкурс. Грустная обстановка. Это я вам как фотограф говорю.

– Знаешь, Дима, я бы для детей не стала проводить эти

дурацкие конкурсы красоты. Это все бред. Только у Фионы со Шреком дети страшные. А «судить» остальных детей...

– Вот именно – «судить», Ник. Хорошее слово. Действо, сродни приговору для ребенка. Вот посмотри, как малые стоят плачут, боятся, на сцену выходить не хотят! А родители подталкивают. Мол, столько денег вбухали. Иди, уделай других! Только пока сами дети уделываются, а кто не уделывается, тот потом, подрастая, становится гнидой, которая жутко сильно переоценивает свои способности. Гнидой, любящей себя и ненавидящей других. Типа: мы самые лучшие, потому что у родителей много денег.

– Да, Дина, ты права. Словом, вывод один: все эти конкурсы – исключительно ради взрослых. И должны они называться «Мерка понтов», – сказала я.

Мы сели за столик. Немного поели, немного «поболели» за Лизу, которая читала стишата и танцевала, но больше посочувствовали ей. Каждый раз перед выходом на сцену она забивалась под стол и сильно плакала. Ей явно не нравилось то, что происходило. Лизу было действительно жалко.

Просидев три часа в мрачном ресторане с не менее мрачными мыслями, мы пошли домой. Перед этим купили своим родителям маленькие подарки за то, что они нам не искалечили жизнь и предоставили полную свободу. Которая нас, кажется, не испортила, а даже чуть украсила.

Глава 9

Сегодня в универе нам лекцию читала Holly Dolly. Подача материала – это набор несвязанных между собой слов. Что-то вроде:

– Как бы это очень сложное произведение такое... ну... там такая ситуация непонятная. Вы потом как бы читать его будете. Вот...

Название этого «сложного, непонятного» произведения Holly Dolly сказала очень тихо – никто не услышал, поэтому все шушукались и переспрашивали, о чем идет речь. Как ТАКОЕ может учить? Ее спасает только одно: она незлая, безобидная. А вот вторая наша по литературе – Больной Хомячок – так я ее называю: похожа на захиревшую маленькую жопатую скотинку. Эту уже ничто не спасет. Даже дешевая красная помада. Эта помада делает ее только хуже (хотя, казалось бы, куда хуже), потому что остается на зубах! Как можно говорить, что причиной вашего отсутствия на лекции может стать... только смерть близких. И справочку о смерти в деканат принесете – отчитаетесь. Бездушная тварь! Да для нее и литература, литературное произведение – просто набор букв! И только! Мои мысли прервал звонок.

– Лиса, не у тебя телефон звонит?

– Нет, Ник, похоже, в твоей сумке.

– Да, у меня. SMSка от Димы. Сейчас прочитаю. «Здоров. Правда, я не здоров, оказывается. Я в больнице. Сегодня никого не пустят. Приходите послезавтра». Ничего себе! Лис,

с ним же вчера все более-менее было в порядке.

Угораздило же меня заболеть! Причем серьезно, как я понимаю. Теперь долго буду валяться в больнице. А все из-за Нади. И чувствовал же, когда стоял в парке и ждал ее на морозе: надежда на то, что Надежда окажется нормальной, во мне угасала. Вернее, замерзала. И подтверждением этому является практически «эксклюзивное» заболевание, которое досталось мне, не менее эксклюзивному санитару мегаполиса! Этой болезнью редко болеют. А мне вот «повезло»! Мононуклеоз инфекционный. Передается воздушно-капельным путем. Болезнь, которая вылилась в инфекционное заболевание крови, печени и т. д. Температура доходила до 39,4. Кошмар! Хочется спать, спать, спать...

Через дней пять, когда мне стало относительно лучше, ко мне пустили ненадолго Нику, Лису и Динэль.

– Приветнице! Ну, радуйся! Надежда умирает последней! – злобно пошутила Динэль.

– Не смешно.

– Конечно, Дим, не смешно. Я хочу тебе донести message: мы твою Надю видели здесь. Конечно, никто не умрет. Это понятно. Потому что «на воле», то бишь за пределами больницы, тебя ждут никому ненужные девушки, которых только ты, санитар, должен спасти от одиночества.

– Дина, я уже одну такую спас. И что в итоге? Я круто захирел!

– Мы разговаривали с лечащим врачом. Сказал, через недели две-три выпишут. И даже разрешил над тобой немного поиздеваться. Естественно, в целях повышения «морального иммунитета». А твоя Fast Надя... Я же говорила, fast food не полезен. Но в этой ситуации есть и плюс...

– Плюс в том, что я с ней все-таки переспал? Для заражения хватило бы всего лишь дыхания, кашля, поцелуя. А я вообще... перевыполнил план, так сказать. В этом плюс, Ника?

– Ого! Вот мы и нашли уже целых два плюса. Мой плюс был, вообще-то, в том, что ты не будешь ходить в универ, такой тебе ненавистный.

– Ну, тогда у меня есть и третий плюс, – сказала Дина. – Мы видели здесь брата Нади. Наверное, с такой же болезнью. В соседней палате лежит.

– Это не брат. Это ее парень, как оказалось. Просто она мне недавно SMSку прислала, что заболела, не может встретиться. Извинялась, что не звонила, и за то, если я тоже заболел. Потому как ее «брат», который был с ней тогда в магазине, оказался вовсе не братом. И у него тоже мононуклеоз, а у нее вдобавок – сексомания. Потому так тогда и накинулась на меня. Вот такие вот дела...

– Ничего, главное, что выздоровеете все, – ответили мы хором.

Я действительно провалялся в больнице три недели. Вспоминать не хочу – было хреновато. Отец не знал, что я заболел

именно благодаря своим похождениям. Если бы знал, то в больнице я пробыл бы всего лишь день. Убил бы он меня! О похождениях знала мама. Она очень переживала, что я выбираю черт-те что. Знала мое прозвище. Об этом сообщила мне, когда разговаривала со мной в больнице. Я сказал, шутя, что, может, мне лучше стоит подрабатывать здесь санитаром, а не валяться просто так. На что она ответила: «Нет, тебе не нужно быть каким-то санитаром какой-то больницы! Ты ведь у нас выше... выше больницы! Санитар мегаполиса. После случая с Надей я согласна с Никой полностью». Именно поэтому мама решила втихаря от папы записать меня к психологу. Может, он поможет мне не выбирать то, что я обычно выбираю. И сегодня первый сеанс. Идти не хотел, признаюсь честно.

Кабинет симпатичный, в теплых тонах. Правда, психолог что-то молод очень, чуть старше меня. И такой... ботанистического вида. Пиджачок ужасненький какой-то на нем... ну, да ладно, впрочем.

– Здравствуйте, меня зовут Петр Константинович. В чем ваша проблема?

– Моя проблема в том, что я послушный сын, как оказалось.

– Слушаться своих родителей – в этом нет ничего постыдного. Правда, думать надо иногда самому. Вы об этой проблеме хотите поговорить?

– Нет. Послушный сын – потому что пришел сюда. Это я

так пошутить хотел. Как вижу, не вышло. У меня нет проблем, я не знаю, о чем говорить. Поэтому давайте молча посидим с вами, а матери скажем, что проблемы все решены, что я все понял, осознал.

– Проблемы есть у каждого. Их просто нужно найти.

– Ну, это вы говорите как психолог. Это вам нужно их найти, чтобы работать. А простым смертным лучше их не искать, а если нашли, забыть.

– Молодой человек, перестаньте! Давайте по сути. Мне звонила ваша мама перед приемом и сказала, что у вас проблема все же есть: в выборе девушек.

– Мне просто пока не повезло.

– Каков ваш идеал девушки?

– Без прибабаха.

– Лаконично. То есть вам многого не надо. Вот в чем корень ваших проблем.

– Да нет у меня ни корня, ни проблем! Вы хоть и молодо выглядите, но, судя по тому, что вам «надо много», вы с девушками общались в веке девятнадцатом!

– Ладно... давайте вы мне расскажете о вашей первой девушке. Я имею в виду о той, с которой у вас были более-менее серьезные отношения.

– Ну... ладно. Мою первую девушку звали Лена. Она училась со мной в одном классе. Мне она никогда не нравилась. Очень высокая. Наверное, мне не нравилась ее «высота», потому что я среднего роста. Она для меня была как Эйфеле-

ва башня. Что-то нависающее, высокое, нескладное. Слава Богу, не железная, конечно. Или какая там эта башня? Ну, неважно. Французы сначала не понимали красоты, а если не красоты, так уникальности Эйфелевой башни. Вообще-то, и в Лене не было никакой красоты, как и в башне, и я ее тоже не понимал. Собственно говоря, и «хаял» я Лену, как французы башенку-то. Но со временем французы «оценили» башню. Так и я оценил Лену. В Лене не было ни красоты, ни уникальности. Хотя нет, вру! Уникальность была. До девятого класса она умудрилась переспать практически со всеми парнями в нашем классе. Остался я, и еще два затыча, в смысле ботана. Меня очень сильно раздражал ее цвет волос – красный. Не рыжий, а красный! Ну, наверное, не столько цвет, сколько вечная недокрашенность ее волос. В общем, она как-то разговорилась со мной. Точнее, разговорила меня. Мы о чем-то болтали, и в конце нашей беседы она сказала мне, что недавно рассталась со своим парнем и ей грустно, скучно, одиноко и все такое. Она меня попросила ей помочь – переспать с ней. Я же нормальный «девятиклассный» парень. Конечно, я согласился. На следующий день мама мне в школу дала пятнадцать гривен, как всегда. Эти пятнадцать гривен ушли на булочку, жетон, розу и презервативы. По тем недалеким временам это все было реально купить за пятнадцать гривен. Это была самая умная трата пятнадцати гривен в моей жизни. Короче, Лена меня «осчастливила». И у нас в классе осталось только два ботана, затыча, которых она

еще «не успела». В целом мы с ней провстречались месяц. Она меня бросила. Надоел, наверное. А к тому же, как я сказал ранее, у нас в классе еще «два ожидающих счастья» имелись. Имелись в классе, но не имелись у Лены. Вот и все. Такие вот дела.

– А... ну... Видимо, в первых отношениях и кроется проблема ваших нынешних взаимоотношений. Вернее, их отсутствия. Время нашего сеанса истекает, к сожалению. Я жду вас завтра в это же время.

– Спасибо. Ждите. Только я не приду. Я все усвоил, осознал. Даже больше, чем надо. Понял, что пиджачок вам все-таки не идет. До свидания.

Мой первый и, надеюсь, последний сеанс у психолога продлился пятнадцать минут. Но заплатил я, как за час... Вышел на улицу и понял: все же неплохо, что сходил на прием к психологу. Я ведь люблю поговорить. А тут посидел, поболтал, вспомнил Лену. Вернее, не столько ее, сколько те времена, когда можно было гульнуть на пятнадцать гривен.

По дороге домой решил заглянуть в литературное кафе. Очень хотелось какао. Да и книжечку какую, может, пригляну. Взял себе булочку, какао и А. Довженко «Щоденник», плюс сборник произведений Винниченко. То есть взял четыре хорошие вещи. Довженко я хотел еще раз перечитать. Уж больно много там умных и саркастичных фраз. Читал я эту книгу с год назад. Брал в библиотеке. Понравилась. А Винниченко просто шикарный! Но не успел открыть «Що-

денник», как ко мне подседа какая-то девушка. Кстати, симпатичная.

– Ти читаєш Довженка?! Нічого собі! Клас. Ти вже мені подобаєшся, бо обрав таку книгу. Висновок: ідіотом ти не можеш бути. Мене звать Інга. Будьмо знайомі. У тебе очі якісь сумні. Що трапилось?

– Привет... В смысле – «привіт»!

– Ти говориш російською, і це нормально для мене. Якою мовою ти радієш або сумуєш? Тобто думаєш якою мовою?

– Я говорю всегда по-русски. Но украинский я тоже хорошо знаю. Тому для мене це не проблема. Давай спілкуватися українською.

– Поки ми будемо вирішувати, якою мовою вести бесіду, пройде забагато часу – і ця бесіда не відбудеться взагалі. Мені важливо, щоб ти казав від душі, від серця. Бо мені дуже хочеться поспілкуватися з хлопцем «в оригіналі», який читає Довженка.

– В таком случае не будем терять времени. Меня зовут Дима. Мне двадцать, я программист. Глаза грустными были? Да, это правда. По дороге в кафе я размышлял о том, как сложно найти умную девушку-собеседницу. У меня есть, конечно, остроумная сестра. Но она же сестра... то есть не девушка. А тут так внезапно нагрянула ты... Умные, не лишены сердца, что самое главное, посыпались на меня слова. Мои глаза перестали быть грустными?

– Еге ж! Я молодець! Дякую за твій комплімент. І якщо

додати мій комплімент собі, що я молодець, то виходить два. Отже, сьогодні просто свято. Мені двадцять три роки. Граю на бандурі в гурті «Сексуальна бандура». Тільки не смійся. Хоча... краще смійся, тільки не лякайся. Я знаю, що назва дурбецальська. Навіть якось неприємно її вимовляти.

– Тогда почему так группу назвали?

– Розумієш, у нас дуже добрі, позитивні пісні. І я вважаю, що досить непогані тексти. Є і російські, й українські. Розумієш, просто не хочеться, щоб усе це пропало. Хочеться грати, співати, нести людям позитив. А дурна назва приваблює увагу. І саме завдяки їй, чи частково їй, ми граємо зараз багато концертів. Про нас починають говорити. І говорити не тільки про назву, а й про музику цікаву, як на мене. А назва – це такий собі піар-хід.

– Ты не расстраивайся. Главное, что вы сейчас раскрутитесь. А потом можно и название поменять. Я, к сожалению, не знаю ваших песен...

– Тоді можна я тобі заспіваю трохи? Буду майже шепотіти, обіцяю. Ми все ж таки в кафе.

– Буду только рад.

– Пройде і це? Промине, промайне
Цяткою в мороці вічнім?..

Свічку постав. Пригадай і мене

Ніччю, короткою ніччю.

Он де твій порух руки (ще люблю!),

Он твоє свідчення тайне...

Тінь свою в ноги тобі постелю,

Взнаєш чи ні – не спитаю.

Щемно милуюсь, торкнутись боюсь —

Стиха молюсь (не минуло!).

В ніч повернусь – ніби порох займусь,—

Жодна душа не почула...

– Ничего себе! Это же замечательно! Ну, теперь я за тебя, за вас не боюсь. Глупостей вы точно не наделаете. Можете вашу группу как угодно называть. Здесь содержание любое название затмит. Я не большой любитель поэзии, признаюсь честно. Больше люблю прозу, но это даже меня пробило. Ты просто чудесна.

– Дякую дуже. Справді приємно, що сподобалось. Може, я більше не буду засмічувати свою голову неприємними мені думками про назву. І шкода, що не можу далі спілкуватися з тобою – хлопець за мною приїхав. Бачу його авто. Не сумуй. Все буде добре.

– Жаль. Спасибо за такой небудничный разговор. И за прекрасный литературный украинский язык.

– Дякую. Я сама ненавиджу суржик. Бувай. Молодець, що читаєш! Молодець, що Довженка та Винниченка. Ще раз бувай.

Э-э-эх! Ушла... Вот так всегда: поговорят с тобой нормальные – и сразу бросят, «не подняв». В смысле – толком не пообщавшись. Я пришел домой и сразу завалился спать. Правда, перед сном подумал, почему меня передернуло, ко-

гда Инга сказала, что играет на бандуре. В словосочетании «сексуальная бандура» меня смутило именно существительное, а не прилагательное. Я подумал: «Как? Что за бред? Она играет на бандуре?! Это же идиотство! В этой Инге явно что-то не так. Эффектная, стильная – и выбрала бандуру. На фига?» Но после беседы с Ингой мне стало как-то стыдно за мои первоначальные мысли. Знаю, что у многих моих знакомых была бы точно такая же реакция отторжения при слове «бандура». И это неправильно, это стыдно. Потому что реакция отторжения должна быть при словах: «Я работаю служанкой, нянечкой, официанткой, уборщицей в Америке, Германии и т. д.» Или вот наша соседка ВОСХИЩАЕТСЯ, что дочь ее подруги работает проституткой за границей. Говорит, молодец – маме помогает, деньги присылает. Вот что должно быть стыдно – быть дерьмом. На меня очень сильно повлиял разговор с Ингой. И, засыпая, я решил: только выдаться свободное время – обязательно схожу послушать игру на бандуре. Как бы это глупо и немодно ни было для кого-то.

Глава 10

– Поздравляю себя с тем, что твоя работа, Дмитрий, по наклейке стены в туалете Динэль дисками уничтожена водой. Ха!

– Злорадствуй, Ник, злорадствуй! Хотя, чего же радоваться? Злиться – понимаю, радоваться – нет.

– Как это нет? Ты ведь полезешь опять и снова все сооружать, возводить. Твои волосистые ручонки будут вымазаны клеем, рожица перекосоежена от усталости и отчасти от бессмысленности данных действий. Но для тебя все равно это какая-никакая развлекуха.

– Ника права. Твоя мама нам сегодня даже пирог принесла. Это благодарность мне за то, что у меня все прорвало. В смысле, что ты отошел наконец-то (вынужденно, конечно) от компьютера и физически будешь что-то делать, – сказала Дина.

– Видишь, твоя мама готова заслать тебя куда угодно и даже платить за твою ссылку. Пусть пирогами, но платить. Вот как она рада, что ты хоть на чуть-чуть прекратил общение с компьютером, пусть даже дорогим и новым.

– Между прочим, Ника, если бы не мой недешевый новый железный друг, я бы не познакомился с Ирой. А она очень интересный и серьезный собеседник.

– Ты уже опять успел с кем-то замутить?

– Не замутить, Дин, а переписываться.

– И кто она такая? Что, действительно приятный человек? – спросила я.

– Ну... по крайней мере, она серьезная, как мне показалось.

– Ага. Если тебе интересно (относительно, конечно) и если это серьезно, то вывод напрашивается один: она мужик.

– С чего такой вывод, Ник?

– С того, что интересно тебе может быть только тогда, когда собеседник слушает твой рассказ о новой системе Windows, ну, и все такое. А серьезная она, потому что слушает это. Значит – не она, а он. И этот он – тоже программист.

– Ничего не понял. Ну, да ладно. Она Ира, и учится она на социолога. Мы еще с ней пока не виделись. А переписываемся два месяца почти.

– Понятно все. В таком случае подожди еще встречи года два, как минимум. Он-она должна-должен успеть сделать операцию по смене пола.

– Ника, ну почему ты не веришь, что по Интернету можно познакомиться с нормальным человеком?

– Сколько ей лет?

– Девятнадцать.

– Какой нормальный, без комплексов человек будет в такие годы сутками сидеть в Интернете?

– Я же сижу!

– А я про нормальных сейчас говорю! Ты санитар мегаполиса! Тебе сам Бог велел не вылезать из сети. Поэтому нормальная тебя в свои сети не затянет.

– Чего это я ненормальный?

– Дина, объясни ему, я устала!

– Объясняю: Дмитрий, сейчас, как и обычно, в моей квартире нас четверо. Это рациональная я, иррациональная Ника, молчаливая Лиса и непонятливый ты. Ты заклеиваешь

стену, дискутируешь с нами, при этом у нас совсем не тихо включены телевизор, радио и твой ноутбук, который ты вечно таскаешь с собой. Причем, заходя в квартиру, ты говоришь одну и ту же фразу: «Давайте включим ноут, чтобы скучно не было». Напрашивается вопрос: куда уж веселее? Передоз полный! Говорит все, что только может говорить. Мы привыкли, конечно. Но нормальному, непривыкшему человеку это крайне сложно понять и принять. Вопрос: Дмитрий, вы по-прежнему считаете себя нормальным?

– Я люблю включать все эти вещи не потому, что мне скучно, а потому, что я так привык. Я постоянно работаю с компом, он обычное шумовое сопровождение любой моей беседы, всех моих дел. Наверное, это отклонение, перебор. Но я напишу Ире, чтобы мы встретились. И... Она не мужик! Надеюсь...

– Ну тебя! Клей, пожалуйста, дальше. А я пойду сделаю какао и посмотрю, как там пирожки себя ведут в печке.

– Ага, Дин. Если пирожки себя в печке плохо ведут, прочитай им сейчас такую же лекцию, как и мне сейчас. Шелковыми будут!

– Дима, зачем тебе пирожки из шелка. Это же глупость. Их же таких есть нельзя. Пирожки должны быть из теста! – поправила Диму Лиса.

– Лис, это я не в прямом смысле сказал. Не воспринимай буквально. Я пошутил. А вот радио с ноутбуком я сейчас выключу. Назло Динэль и Нике. Вот такую победу над собой

устрою. Пусть им стыдно будет. Тем более, что я уже доклеиваю стену. Вдвойне им стыдно будет! Идите смотреть!

Мы устали на стену.

– Дина, а зачем ты на этот раз выбрала клеенку для дачных столиков в качестве кафелезаменителя? Да еще клеенку, разрисованную крупными шоколадными конфетами. Шоколадными – чтобы было под цвет содержимого туалета? Так сказать, форма подчеркивает содержание?

– Да, Ник, не лучший вариант! Но давайте посмотрим с другой стороны на все это. Клеенка, такая яркая и жуткая на стене, может служить лекарственным средством от запора и цистита. Запора – потому, что увидишь стену – пронесет, а противоциститное – потому, что увидишь – и в следующий раз еще подумаешь – заходить или нет. Так что в любом случае спасибо, Дима. И пойдёмте пить какао с пирожками, заодно рассмотрим фотографии моих одноклассников, – ответила Динэль.

Все друженько уселись на диван и начали рассматривать фото. Как оказалось, в Дининой группе было много наших общих знакомых.

– Ха! Вы помните этого идиота? Мишей зовут. Он еще когда-то с нами в театр ходил.

– Дина, его невозможно забыть! Такой позор! Он в театр приперся со скрученной газетенкой о футболе. И все представление то расправлял, то мял ее. Читал, сидя в театре! Видимо, театр с уборной перепутал. Что-то бурчал себе под

нос. Голос у него еще такой гугнивый. Как у «Ведмедика Бо» из рекламы, который постоянно говорил: «Мені погано». Только наш Ведмедик Бо постоянно произносит одно слово: «Капэць». Он круче, чем рекламный Бо! И в театре было не «йому погано», а нам от него,— сказала я.

– Однозначно круче, потому что у него есть девушка, а у меня нет! И «капэць» теперь это мое слово! – подытожил Дима.

– Ты что, его девушку не видел? Чему тут завидовать! Похожа на Дольфа Лундгрена, голливудского актера. Только она – напудренный, очкастый Дольф. И из голливудского у нее только лицо. В смысле – такое же квадратное, как табличка со звездочкой на аллее Славы.

– Ника, ну, хоть какая-то... Она ведь есть, существует. Не то, что у меня...

– Дима, у тебя таких «каких-то» было столько, сколько сломанных «тамагочи» у Динэль в детстве. Они у нее все сдыхали. Сначала засирались, голодали, а потом сдыхали. Точно так же и твои барышни. Правда, у тебя происходило немного иначе. Сначала они тебя подсирали своими выходками, потом ты не голодал, к сожалению глубочайшему твоих родителей, а выжирал все, что только можно было сожрать дома. От депрессухи твоей. И уж затем они «сдыхивались» от тебя. Или ты от них.

– Спасибо, сестренчик, за красочные, но такие отвратненькие метафоры.

– Тебе спасибо, Бонд. Это ведь ты меня вдохновляешь!

– Ника, Дима, не ерничайте! Продолжаем обсуждение нашей университетской живности.

– Да, продолжим. Дина, а что это за существо в эксгибиционистском пальто? Такое длинное светлое, прямо в пол. Он кто? – спросила я.

– Наш преподаватель по экономике Игнат Леонидович. Его любимая фраза (якобы по-украински): «Положи тэтрадку!»

– Ну, такому можно. Ведь имя ему ИГНАТ! А он эксгибиционист?

– Нет, Ник. Просто дурак.

– Какой четкий, исчерпывающий ответ! Давайте больше не будем смотреть эти фотографии, а то они настроение поганят. Просто гадство! Так посмотришь на них на всех и захочешь сразу послушать песню Иванушек International «Безнадега.ru». Только вместо «ru» подставить «ua».

– Дина, тебе придется сжечь эти фото, раз у Димы возникают мысли об «ушном суициде» с помощью этой песни!

– Ника, неплохая песня. Не придирайся! Уходим уже. Все.

– Да, Дима прав. Нам пора. А что, правда, можно этим заболеть?

– Чем, Лиса?

– Вот этим, что ты сказала про музыку. А то у меня дома все альбомы группы «Иванушки». Мне теперь придется их выбросить? Да?

– Дура ты, Ника! Напугала Лису. Суицид – это не совсем заболевание. Это самоубийство, смерть, – объяснил Дима.

– Так что, я даже не заболею! Я сразу умру? Умру себя? От вот этой песни? А-а-а-а!

– Дима, ты несмышлениш. Ты сам ДУРА! Лиса, я просто пошутила. И на самом деле песня совершенно безопасна.

– Да? Вы меня напугали!

– Мы больше не будем, обещаем.

Мы, как всегда, разошлись по домам. А Дина осталась один на один с ужасно заклеенной стеной. Врагу не пожелаешь. То, что наваял Дмитрий, могло бы понравиться только Хичкоку и создателю Фредди Крюгера. Жаль, денег нет на кафель... Хотя Крюгер и Хич знамениты. Может, и стена когда-то станет такой?

Глава 11

День свидания с Ирой наступил. Сейчас придет. Я сижу в кафе, потому что именно здесь договорились встретиться. На улице погода отличная. Уже весна. Тепло. Кафе модное. Опрятно и стильно выглядят официанты. А вот и Ира плывет... Красивая... на высоких каблуках, ее шею обматывает разноцветный шелковый шарф. Мне повезло! Вот все обзавидуются, когда увидят ее со мной рядом! А-а... чего это она вдруг резко присела за соседний столик? Нужно помахать ей, покричать. Неужели моя фотография так сильно отлича-

ется от меня существующего вне ее?

– Эй! Ира! Я здесь. Я Дима. За соседним столиком. Ты что, не узнала меня?

– Да узнала. Вижу. Сейчас подойду.

Я встал и пересел к ней за столик.

– Привет! Тебе, наверное, не понравилось место, которое я выбрал? Я подумал, столик у окна – это хорошо. Ошибся, да?

– Привет! Не ошибся. Ты молодец, что так выбрал. Мне все нравится. Просто мне сегодня тяжело ходить. Я по пути к тебе присаживалась на лавочки, клумбы, даже на бордюры где-то раз двенадцать. Причем это – без преувеличения. Но так и должно быть, я считаю. Как говорится, красота стоит жертв. Я же пришла к тебе красивая, да?

– Очень. Такая модная, стильная.

– Спасибо. Именно этого я и добивалась.

– А почему присаживалась? Тебе плохо? Если да, я тебя сейчас провожу домой.

– Не дай Бог – плохо! Ты что?! Все о'кей. Просто я себе купила туфли. Каблуки – двенадцать сантиметров.

– И из-за этих двенадцати сантиметров ты двенадцать раз присаживалась?

– Выходит, что да. Смешно?

– Немного. Так тебе не плохо?

– Мне хорошо, потому что эти туфли сейчас самые-самые модные. Они стоят две с половиной тысячи гривен! Они –

как из журнала мод! Я покупаю только такую одежду – как в журналах. И делаю все именно так, как написано в журналах.

– Я рад, что с тобой все в порядке. Ты голодна? Что-нибудь закажем?

– Давай.

Ира позвала официанта и стала расспрашивать, какое блюдо заказывают чаще всего. Что пользуется популярностью. Официант сказал, что форель с беконом и листьями салата – это наилучший вариант. Ира заказала именно это блюдо. После чего сидела и сияла, ведь она тоже сейчас попробует модную стряпню, приобщится к процессу «модного» поедания. Вкусного-невкусного – это дело неглавное для Иры, как я уже понял. Я заказал себе салат из курицы, изюма и чернослива.

– Ну, и как тебе кафе? – спросила Ира.

– Симпатичное.

– И все?

– А что еще?

– Как что? Оно не просто симпатичное. Оно модное. Сюда ходят только богатые.

– Я бы сюда второй раз не зашел. Здесь все как-то наиграно, что ли. Как-то искусственно. Все сидят и преимущественно молчат, и рассматривают новые телефоны друг друга, всякие гаджеты. Единственное, что меня радует, так это то, что люди, особенно недалекие богатые люди, кидаются на временные рекламы. И все сгребают. Мне это на руку, я же,

возможно, в будущем смогу стать рекламистом. И глядишь – даже возглавлю список журнала «Форбс».

– Все равно не понимаю, что тебе в этом кафе не нравится?

– Здесь напыщенно, неудобно. У девушек и парней блестят глаза никак не от счастья, а от только что закапанного «Визина». И ясны они по той же причине. А так – их глаза печальны и пусты, только полные кошельки заполняют эту пустоту. Только это их и спасает. Я сам, конечно, не бедствующий, но сейчас, признаюсь честно, пошел бы отсюда домой к Динэль и заклеил бы ей стену в туалете. Как-никак, позитивней все же. А насчет денег... то я стараюсь их сам зарабатывать. Стыдно брать деньги у родителей. Моему отцу сорок пять, а он уже лет семь как полностью седой. Он адвокат: тюрьмы, уголовники, запредельное напряжение. А сидеть в этом кафе и смотреть, удивляться или делать вид, что удивляешься, новому телефону – это бред.

– Но классно же быть в курсе всего модного и нового!

– Да, это нужно и это хорошо, безусловно. Но без фанатизма. А классно – это когда с тобой классно беседовать. Потому что лично я достаю айфон только тогда, когда мне жуть как скучно и хочется спрятать глаза от собеседника, поскольку в них «нудьга». Знаешь, как там у Манжуры – «Коли твою душу нудьга наполяже».

– А что у Манжуры?

– В смысле?

– Я не знаю. Он что-то модное пишет?

– Он писал не про айфон. Значит, для тебя «немодное».

Просто вспомнил стихотворение, вернее – отличное, четкое название. Этот поэт не был популярным. А Старицкого знаешь? Писал классику – «За двумя зайцами», слышала? Проня, Голохвастов...

– О, классика никогда не выходит из моды!

– В журнале прочитала?

– Как ты догадался?

– Неважно. А вообще-то, когда мы с тобой переписывались, мне показалось, что ты серьезная. Ты же меня так внимательно слушала по переписке... ну, то есть читала. Только не отвечай, пожалуйста: «Тебе показалось» или «Когда кажется, креститься надо».

– Да, я действительно внимательно тебя читала. Это правда. Ты рассказывал, вернее писал, об очень интересных вещах.

– Странно... А вот когда я рассказывал тебе о новой системе Windows – ты даже несколько вопросов задала по этому поводу... Для приличия? Или это правда тебя волнует?

– Ну, не очень...

– Однако... зачем тебе Windows?

– Windows ни зачем. Но система ведь новая!

– Ах, прости. Действительно... Прости, что задаю наивные вопросы.

– Ничего. Ты мне все равно нравишься. Твоя малино-

вая футболка с котиком, обнимающим рыбку, такая дебильно-милая и добрая, прямо как ты!

– Вот это да! Меня еще никто не называл «дебильно-милым». Хотя это не самый худший эпитет, который когда-либо применялся к моей персоне.

– Нет, не обижайся. Я же не про то. Ты милый и добрый!

– Спасибо. Рад. И в принципе ты можешь говорить обо мне, что угодно и как угодно, потому что ты очень милая, симпатичная. Так что тебе все простительно.

– Ну, тем не менее... почему тебе не нравится все модное и новое, как мне?

– Я не девушка. Наверное, поэтому. Да и все это новое является относительно новым.

– Что ты имеешь виду?

– Ну, вот вчера смотрел клип группы «Тартак» на песню «Стільникове коханья». И крупным планом показывали телефон. Я сначала подумал, что «Тартак» стебётся, показывая такое старье. Или это антигламур какой-то! Но потом вспомнил, что песенка не новая, ну, и клип, естественно, давненько снят. В общем, я о том, что сейчас этот телефон далеко не модный. А, например, тебе... его и вовсе стыдно показывать. Мне же лично все равно, какой телефон, лишь бы звонил и был Интернет. Вот у моей сестры двоюродной, у Ники, телефон всего за двести шестьдесят гривен. Но не потому, что денег нет на новый. Она девочка небедная. Просто ей пофиг. И она еще стебется по этому поводу. Говорит, это у нее не

телефон, а средство по борьбе с уличной преступностью. Вот представь себе: идет стильная, дорого одетая девчонка, говорит по телефону. Тут внезапно подбегает вор, выхватывает телефон, думая, что у такой мажорки он стоит не меньше трех тысяч гривен. Забегает вор в подворотню, достает телефон, чтобы взглянуть на добычу, и тут... БАЦ! Его добыча – страшенький дешевый телефон с функцией «фонарик». Вор понимает, что сам фонарик стоит дороже этого телефона. В итоге: переворот в сознании вора о внешнем виде богатых и бедных людей и, естественно, сердечный приступ. И это как минимум. Вот такой вот план борьбы с уличной преступностью у Ники!

– Прикольно! Ну, все равно – почему кафе не нравится? Я поняла, что те, кто здесь сидят, тебе противны. А так – не соображаю. Знаю, что задолбала этим вопросом, но объясни.

– Просто я недавно читал Бунина «Господин из Сан-Франциско». В общем, суть в том, что богатый человек нужен только тогда, когда он богат. Вернее, нужен не он, а его деньги. А из-за несчастного случая – смерти – господин, перед которым падали, выполняли любые его капризы, превращается в мусор, и его нужно куда-то деть – чтобы никто не заметил, не увидел, не узнал, что этот мусор был только что человеком. Умер. Превратился в «непотріб». Хорошее украинское словцо, означающее не совсем хорошие вещи. В общем, мертвые не могут платить, оставлять чаевые. А смерть и вовсе способна омрачить настроение отдыхающих

в VIP-круизе. Омрачать же настроение других, то есть пока еще живого платежеспособного мусора, – нехорошо, ведь эти могут и не заплатить. И тело господина из Сан-Франциско быстренько и без почестей отправили на родину в большом длинном ящике из-под содовой воды. Такие вот дела. Почитай. Обязательно почитай.

– Какая жуть...

В этот момент официант принес нам блюда.

– Признаюсь, ненавижу бекон.

– Зачем тогда заказала? В меню же много разных наименований!

– Это модно. И друзья пробовали.

– А-а, ну да. Я забыл. Если модно – пробуй!

Ира откусила кусочек бекона, потом форели, и ее начало тошнить. Побежала в туалет. Блевала там минут пять. Я был в шоке, но что делать. Когда вышла из туалета, то вид у нее был вполне приличный, как ни в чем ни бывало, будто и не блевала. Выглядела даже лучше, подкрасилась и, что меня больше всего удивило, улыбалась.

– Первый раз вижу человека, который после такого улыбается!

– Дима, ну, я рада. Действительно рада.

– Чему?

– Я все-таки попробовала. И теперь могу сказать друзьям, что мне не понравилось.

– Могла бы просто не пробовать, если у тебя такая реак-

ция на бекон.

– А как же совет в журнале, что в этом месяце стоит попробовать в ресторане?

– Ладно. Давай закажу тебе чай с лимоном. Кажется, это как раз то, что тебе сейчас нужно.

– Пожалуй, ты прав.

Когда Ира пила чай, ее длинный шарф то и дело опускался в чашку. Ей было неудобно, неприятно, но она его не снимала – модный! Как ни странно, меня это не раздражало, а веселило.

– Ты такой интересный. Ты так много знаешь, так много читаешь. Ты такой... нормальный. Мы же еще встретимся? – на прощание спросила Ира.

– Да, Ира, встретимся. Обязательно.

Я поцеловал ее в щечку. И подумал, что хоть и глупая она... да что там глупая! Просто дура! Все равно встречусь с ней еще. Красивая очень. Да и зацепила она меня чем-то. И это что-то – точно не ее шарф.

Глава 12

Пришел я вечером домой. И меня ждал «сюрприз». Не люблю сюрпризы, не жду их никогда, не думаю о них – поэтому так хреново всегда и получается, наверное. Сюрпризы для меня – как фашисты. Не ждешь их, а они приходят. Потому и приход их так хренов для меня. Я же не подготовлен!

Мама встретила меня. Светится вся от счастья, как я понимал. Точно, от счастья, а не от фосфора. А то я бы почувствовал фосфор на маминой щеке, когда поцеловал ее, как обычно. Посмотрел на кухню – там какая-то женщина, бабенка. На кого-то очень похожа... но не на Анджелину Джоли, к сожалению, и даже не на Арнольда Шварценеггера, что тоже печально.

– Мама, если бы я был психически болен, чего со мной, слава Богу, нет, то подумал бы, что вот эта женщина на кухне – медсестра из психушки. И ты меня хочешь туда сдать и заселить мою комнату своими баночками с кремами. А если бы я был песиком, то подумал бы, что ты хочешь меня усыпить. Уж очень неприятный вид у нашей гостьи.

– Дима, не начинай!

– А чего ты светишься? Радуетесь, что теперь голуби не будут гадить на балкон хотя бы часик? Ведь наша гостья недолго у нас просидит. И не радуйся заранее, не надо. Вот она уйдет – и голуби втройне засрут нам балкончик. Пока они в состоянии аффекта, а потом их прорвет! Я сам чуть не обделался, когда ее увидел.

– Дима, что за глупость?

– Да неприятная она. Но если тебе нравится называть ее глупостью, то называй ее так. Кто это?

– Девушка.

– Да? А я думал – фикус! Вижу, что особь женского пола. Подробнее об этом объекте, пожалуйста. И вообще, называй

ее лучше глупостью, чем девушкой, а то я в гея могу превратиться! Давай, мама, четко еще раз: «Кто это?»»

– Саша. Она будет создавать с тобой компьютерную программу, которую надо сделать для нашего папы. Помнишь?

– Конечно, помню. А ты, мама, не забудь напомнить нашему папе посмотреть фильм «Горбатая гора». И на обложке я наклейку такую сделаю с надписью: «Смотри, отец, как оно бывает, когда сын знакомится с такими Сашами! Подумай и познакомь не с уродиной, а то стану геем». Сколько ей лет? Она уже в том возрасте, когда не отвечают на такие вопросы? Ей под пятьдесят?

– Дурак! Ей двадцать три. Она программист, как и ты.

– Да, правы были врачи, когда говорили о вреде компьютера. Но чтобы настолько...

– Перестань. Не ерничай. Она ответственный человек. Хорошая девушка. Иди, знакомься.

– О! Я раскусил тебя, мать! Вот чего ты светишься: понимаешь, что лучше выглядишь, чем она, в два раза, хотя в два раза ее и старше! Тогда я предлагаю подарить ей крем для лица с изображением Геннадия Малахова. Это, наверное, первый крем в мире, на коробочке которого изображено лысое ушастое мужское лицо. Подарить Саше этот крем и сказать: «Ты достойная замена Малахову. Смело можешь украшать своим личиком такую коробочку. Разницы никто и не заметит».

– Иди!

– Все-все! Ладно. Иду знакомиться.

– Привет.

– Здравствуйте,– ответила официально Саша.

– Это я вам «Здравствуйте» хотел сначала сказать. Припасть к вашим стопам и прошептать: «Легенда наша»,– после чего сфотографироваться на память для детей, внуков...

Мама меня в этот момент сильно ущипнула. Видать, прочитала мои мысли. Поняла, что я хотел сказать: вы легенда, героиня, звезда, долгожительница наша. Воспитать столько детей, внуков, правнуков. Это же вас недавно по телевизору показывали?! Это же вам сто девять лет! Книга рекордов Гиннеса явилась к нам. Ура троекратное! Можно было еще нарвать бумажек и засыпать клочками Сашу. Эффектно. Типа дождик, заменитель хлопушки. Вскоре я успокоился. Надо же ей что-то сказать.

– А... меня Дима зовут. Будем вместе работать. Ура! Троекратное ура!

– Меня зовут Александра. Можем на ты?

– Можем.

– Как учишься, Дима?

– Нормально.

– А оценки у тебя какие?

– Да... разные. Это заигрывание со мной такое? Интересный подход... Как говорил Хазанов: «У-у... ты какая!» Помнишь? Классный монолог.

– Нет, не помню. Я редко смотрю телевизор. А Хазанов –

это шутки. А шутки – это пустословие.

– О Господи! И почему я не песик, которого надо усыпить? Мама!

– Я не понимаю, при чем здесь песик? У вас есть собака, Наталья Владимировна?

– Лучше бы у нас Наталья Владимировна была собакой! Тогда я был бы песиком! А это сейчас лучше, чем быть Димой.

– Дима, перестань. Саша, Дима просто так у нас иногда шутит. Не воспринимай всерьез его слова. У нас нет собаки. Это он глупости говорит, – сказала мама.

– Да, Саша, у нас действительно нет собаки. К сожалению... моему... большому. А если бы у нас была собака, то я бы пошел ее выгуливать. Ей бы сейчас сильно-сильно, очень-очень приспичило бы гулять. Я просто в этом уверен!

– Почему? – спросила Саша.

– Да так... это я опять и снова шучу. Отчасти шучу. Просто я хотел бы быть Малышом из «Карлсона». А так я не Малыш, нет Карлсона, нет собаки. Есть только Фрекен Бок.

– Где? – спросила удивленно Саша.

– Это Дима говорит о перчатках «Фрекен Бок», резиновые, для мытья посуды. Он шутит.

– А... понятно. Перчатки – это хорошо, это правильно. Кожу рук портить нельзя.

«А тебе, Саш, чего бояться?! Ты же и так не красавица! Ишь, руки она портить не хочет! Руки твои неспорченные

тебя не спасут и не украсят уже. Все! *Finita la komedia*... Ох, вспомнил. Меня осенило! Она похожа на бабушку, то есть на Granny из диснеевского мультика. У Granny еще кот был, который все время пытался сожрать птичку Twitty. Granny всегда гоняла кота за это», — думал я про себя, глядя на Сашу.

— Саша, а у тебя птичка дома есть?

— Нет.

— Жаль, а то бы совпало.

— Что совпало?

— Да так. Ничего.

Мы выпили чай и съели пирожные или, как говорят продавщицы, «пироженные». Мама в меня буквально запихивала их, чтобы я снова ненароком в Сашин адрес чего-нибудь поганенького не сболтнул. После чаепития мы с Сашей пошли ко мне в комнату. Это был первый (и, надеюсь, последний) раз, когда я шел в свою комнату с девушкой и не думал о сексе с ней. Хотя... нет. Вру! Я думал. Вернее, думал о том, что, если вдруг Саша окажется маньячкой и станет кидаться на меня в порыве страсти, молить о сексе, — куда бы я сбежал или забился? Я думал о собственной безопасности. Я думал о том, что прыгать из окна не хотелось бы: все-таки четвертый этаж! Но с другой стороны, лучше выпрыгнуть — можешь и выжить, если повезет. А вот после секса с ней жить точно не захочется. В лучшем случае, если после секса с ней я не закончу жизнь самоубийством, то стану геем.

Так, а если не выбрасываться из окна, то... может запих-

нуть свое пухленькое тельце под кровать? Во всяком случае мама дома. Она спасет. Я же ее сын. Материнский инстинкт должен сработать. Хотя... не факт! Я ведь не помыл утром посуду после себя.

Саша зашла в мою комнату, и ее староочкастую рожицу перекосило.

– Комната яркая. Дима, это как-то не так, неправильно.

– Тебе не нравится?

– Честно? Нет.

– Ну, и слава Богу! Я в безопасности.

– Что?

– Говорю, что компьютер хороший, новый, антивирусы все настроены. Все в безопасности.

– Было бы странно, если бы все было по-другому. Ты же программист. Так... ты мне и не ответил толком, какие у тебя оценки в универе.

– Разные. Я же сказал. Есть хорошие и есть плохие. Не все предметы нужны ведь! Свой предмет я знаю.

– Это плохо, что тебе не все предметы нужны! Ты неотвественный.

– Да, я такой. И еще у меня, помимо этого, куча других недостатков.

Про себя я молил: «Откажись ты от совместной работы со мной».

– Ничего. Я тебя исправлю.

– Тогда удачи тебе в твоём нелегком труде.

– А что это у тебя за пустые блистеры от таблеток валяются на столе? Ты пьешь таблетки?

– Это противозачаточные.

– Что?!

– Шутка. Успокойся. Просто у меня голова болит... часто... очень... всегда почти. Анальгетики это.

– Ничего страшного, что болит. Такое бывает. Но почему кусочки упаковки из-под таблеток валяются? Одни – на столе, другие – на тумбочке, третьи – на полу. Я заметила.

– Да, это действительно так. Знаешь, я боюсь заблудиться в квартире. Все-таки три комнаты. Вот и разбрасываю.

– Правда?!

– Да. Я, как Гензель и Гретэль. Сказка детская такая. У нас тоже есть что-то похожее. «Морозко», например. Так вот, в сказке отец отвез своих детей в лес на погибель, потому что так мачеха приказала. И эти дети, Гензель и Гретель, чтобы найти потом обратную дорогу, дорогу домой, по пути бросали камешки, хлеб. А я вместо камешек и хлеба бросаю кусочки пустых блистеров или кусочки упаковки из-под таблеток, чтобы найти входную-выходную дверь. А то мама заведет меня на кухню, заставит мыть посуду или убирать в шкафу, а я не найду выход и останусь в царстве плохо вымытой – недовымытой посуды. Я боюсь этого.

– Ты олигофрен?!

– Нет. Олигофрены больше о своем думают, а я вот о твоём.

– О чем моем?

– О том, что ты шуток не понимаешь!

– Дима, ты больной?

– Да. У меня вегето-сосудистая дистония. Могу медкарту показать. Ладно... Все. Не буду я шутить. Постараюсь, по крайней мере. Сейчас я все уберу. Знаю. Виноват, что разбрасываю. Все дома меня за это ругают.

– Шутки – это пустословие. Я уже говорила тебе об этом. А нам нужно мыслить и работать рационально и продуктивно, а не заниматься пустословием. И быстрее, убирай это все!

Я убрал. Молча сел. Она сидела за компьютером и ваяла новую программу. Я не хотел ей помогать. Просто смотрел на нее. Даже, не смотрел, а рассматривал. Из-под ее клетчатой юбки-клеш выглядывал примерно пятикилограммовый батончик (вернее, батончище) «Докторской» колбасы, обтянутый прозрачной пленочкой. Да... ножка твоя, в колготку помещенная, глазик мой подслеповатенький никак не радуется. Как она на Granny из мультфильма похожа! Просто двойник...

– О чем ты задумался?

– Ты меня в детство возвратила.

– Каким образом?

– Да мультфильм вспомнил один...

– Я особо не смотрела мультфильмы в детстве. А сейчас тем более.

– Я так и понял. Могла бы и не говорить.

– И ты мог бы не говорить вообще и не мешать работать!

Боже, какая она противная. Просто омерзительная личность! А я еще сначала немного каяться стал. Мол, вдруг она по виду мерзкая, а внутри... а душа у нее прекрасна. А и нет! Душонка полностью рожице соответствует. А я debil! Это же все равно, что идти в ресторан с названием «Сковородка» и надеяться, что там тебе реально еду будут подавать не в старой бабушкиной сковороде, а в изысканной фарфоровой посуде. Или это все равно, что зайти в магазин типа «дизайнерской харьковской» одежды и надеяться найти там что-то неблестящее и без страз. Саша... я бы не сказал, что она страшная. Нет, вовсе нет. Просто у нее правильные, до тошноты правильные, даже какие-то официальные черты лица. Староофициальные. Наверное, в этом вся мерзость. Вот до того, как она начала говорить, я хаял ее лицо, но на одежду внимания не обращал. А сейчас меня не оторвешь! Так и сыплется, льется поток мерзословья. Вот говняк, говнячок у нее на голове завернут в заколочку – гулька накручена. И помадка у нас на губешках присутствует. Говнячок и помадка – разгул! Просто рекламный слоган какой-то выходит: «Фривольно, дерзко! И добавь немного блядства с помощью говнячка и помадки! Адже ти цього варта!»

– Все! Я закончила. Ты ничего не делал. Мне это даже понравилось – ты не лез в мою работу. Отцу твоему скажу, что ты бездельник! Тебе, кстати, очень повезло, что я не люблю, когда мне мешают. И к тому же я сделала вывод, что ты ни-

чего не добьешься в этой жизни. Мой преподаватель по программированию – гений. Он меня многому научил. Именно поэтому я добьюсь всего. Передо мной отличный «рациональный» пример всегда! Хорошо, что мой преподаватель не такой «мечтающий, задумчивый», как ты. Иначе бы я даже не подошла к компьютеру! – отчитала меня Саша.

– Я по-другому не могу. Пойми: мы – другие.

– Кто это «мы»?

– Мы – это люди, чувствующие, переживающие существа.

– То есть я не человек?

– Ну почему же! Человек, только искусственный. Искусственный разум, так сказать.

– Ну, спасибо. У моего преподавателя три компьютерных фирмы. Он миллионер! Я даже покажу тебе его фотографию. Завидуй! Тебе таким не стать!

Саша достала из сумки фотографию препода.

– Ну как? – гордо спросила она.

– Супер! Да... мне таким никогда не стать. И слава Богу! У него же пиджак цвета туалетной бумаги, причем дешевой, за полторы гривны! Вот если размотать такой моток и внимательно присмотреться, увидишь красно-синие вкрапления на светло-бежевом фоне. Точно как у него пиджак. К тому же у твоего миллионера он старый, очень старый. Выпуск пиджака как раз совпадает с ПЕРВЫМ выпуском такой туалетной бумаги. Чего же он жмотится на новую вещь?

– А потому, что все деньги вкладывает в дело! И он прав.

Это же только ты носишь всякую ерунду с поцелуйчиками на маечке.

– Да, я просто красавчик.

– Все! Ты меня утомил своими разговорами. А мне нужно прийти домой и собрать документы для оформления визы.

– О, сейчас на ХТЗ, «на район», нужна виза? Я не знал.

– Причем здесь ХТЗ?

– Ну, ты ведь туда едешь? Куда, как не туда?

– Очень смешно. Я собираюсь в Америку на стажировку.

Так что тебе до меня расти и расти.

– Даже если я скуплю все партии «Растишки» в магазинах города, то вырасти ТАК у меня все равно не получится! Ты же сантиметров на десять выше меня!

– Я про ум!

– А! Я и не понял, так сразу прям.

На этой ноте мы и закончили нашу беседу. Но, тем не менее, я проводил Сашу до метро. Вернее, выпроводил! Башка раскалывалась. Я устал. Сегодня был насыщенный день. Я шел и вспоминал передачи Геннадия Малахова – и сокрушался, что сейчас со мной нет капустного листа. Вернее, что на мне его нет. И еще жаль, что со мной нет стакана свежевыжатого картофельного сока – или что там советуют от головной боли? Конечно, это все бы ни фига не помогло при хронической мигрени, но было бы прикольно идти с капустным листом на башке, вернее, на лбу. Эти передачи сейчас так популярны, что, думаю, лет через десять откроют такое

кафе с народно-полезными, лечащими блюдами. Назовут его «В огороде бузина». На выходе будут давать шарик с надписью «Очищай организм» и какой-нибудь просрачный (очищающий, в смысле – просрешься!) сок, типа сельдерейный. Все оттуда будут выходить счастливыми, модными, прямо как из Макдональдса в 2000 году. Так вот, на выходе дадут шарик – и ты сможешь взять еду с собой, а детям специальное предложение Нарру – настой травяной. И потом идешь ты такой с капустным листом, ко лбу прилипшим, и в руках твоих баночка стеклянная, такая, как бабушки консервации заготавливают (экологически чистая), с соком, с трубочкой. И идешь ты такой крутой с просрачным соком. И думаешь, какого хрена в парке столько биотуалетов, и все закрыты! А все на тебя смотрят и завидуют – ты же оздоравливаешься! И, вообще, был в таком кафе! Класс! Да, а в кафе этом на входе тебя не клоун будет встречать, а бабушка в платке да с настоями всякими. И вместо музыки там будут наговоры, приговоры разные звучать...

И тут внезапно мои мысли о счастливом будущем прервали двое гениально-экономных соседей. То есть одно из них было «типа гениальным», а второе – «капец как экономным». Это были фанатично экономная Даша и понтящийся Кутилин.

– Привет, Дима. Мы с Дашей только из университета идем, после учебы. А ты уже и девушку от себя проводил. Когда ты учишься?

– Слушай, Кутилин...

– Вообще-то у меня имя есть!

– Ух ты! За что ж ты так своих родителей ненавидишь?

– При чем здесь родители?

– Ну, тебя же раздражает, бесит просто твоя фамилия, раз ты ее слышать не хочешь. А если тебя бесит звучание твоей фамилии, значит, ты ненавидишь своих фамиледателей, то бишь родителей!

– Все равно, у меня есть имя.

– Да, и имя тебе ЛЕГИОН.

– Хочешь забить меня одной типа умной фразой? Только эта фраза сюда не вписывается никак!

– Почему же? Вот я только что такую, как ты, проводил.

– Вот именно, проводил. Только и знаешь, что проводить... А как же учеба? Хотя... у нас университет не такой, как у вас. У нас следят за посещаемостью, успеваемостью. Мы участвуем в разных олимпиадах...

– Да, я знаю. Тупая показуха и выкачка денег.

– Не суди по своим, Дима.

– ДЕНЬГИ! Ах, как все дорого! – специально внезапно заорал я.

– Да, это ужасно. Вот я сегодня ходила в бассейн, а мне говорят, что цена повысилась! Это же кошмар. Я сегодня ни о чем, кроме этого, думать не могу вообще! – сокрушалась Даша.

– И насколько повысилась?

– Дима, на две гривны! ДВЕ ГРИВНЫ, ДИМА!

– ЦЕЛЫХ ДВЕ ГРИВНЫ?

– Да, Дима, аж целых две гривны!

– Ну, Даша, Дашец, ты не расстраивайся! Из любого положения можно выйти, даже из такого «плачевного и тупикового», как у тебя!

– Дима, и что можно сделать?

– У тебя на окне висит «антикварная», я бы даже сказал античная (и судя по тому, сколько она висит и как она выглядит, она действительно античная) МАРЛЕЧКА – контрацепция от комаров! Сколько же там трупиков комариков засохших тихо живет! Из какой эры это все! У тебя есть два варианта: первый – сдать ее палеонтологам, может, найдут там кости динозаврика; второй – залить марлечку янтарем и все это дело продать, написав на упаковке: «Здесь залиты останки домашнего комара – любимца Клеопатры». И это не будет ложью, ведь кто его знает – она же у вас висит вечно.

– Не ерничай! Ты испортил нам настроение. Пойдем, Даша.

И Кутилин и Даша злобно ушли. Я особо не хотел с ними полемизировать дальше, потому что они КОГУТЫ – меткое старое харьковское слово. А вести с ними полемику – все равно, что бороться с переполненным ведром мусора, пытаюсь затолкнуть все его содержимое вглубь. Бесплезно. Все равно полезет наружу. К сожалению, полезет. Как и в жизни! Обычно такие мусорные ведра, такие кутилины становятся

начальниками и забивают других. То есть, если по ошибке в мусорник попала ценная, нужная вещь – погрознет она там навсегда, никто не найдет, и она сгниет, так и не принеся пользы. Та же ситуация с людьми. Кутилины забивают истинных талантов, и те чахнут на мусорной свалке жизни. Я был доволен, что так быстро избавился от них. Пришел домой и подумал, что с Ирой обязательно завтра встречусь. Сегодняшний не разминувшийся со мной ассортимент «кунсткамеры» на сто процентов убедил меня в этом!

Глава 13

Свидание с Ирой. Все-таки с ней. Все-таки захотел встретиться. Оделся красиво. По крайней мере, мне кажется, что красиво. Надел голубую футболку с нарисованным поцелуем – моя счастливая футболка. Это я сейчас так решил, что счастливая. Ведь она завлекающая, что ни говори. Поцелуй нарисован – может, и настоящий будет у меня. Ха! Уловочка-то какая! Глядишь – и обломится.

Такой «фальшиво обцелованный» стою возле входа в метро и жду. Жду... жду... жду... А она все не приходит. Но зато «пришел» мелкий снежок. В марте. А я, придурок, от него уйти не могу, потому что связь мобильная у меня дерьмовая. Зайду в метро – она позвонит, а ни фиги же не ловит! Это как раз тот случай, когда надежней бить в рельсу! Так что придется стоять и ждать под снегом, снежком, снежоч-

ком. Ох, и бесит он меня, гад.

Она не пришла. Позвонила и рассказала, что вышла в черном пальто, дошла до метро, и начался снег. Увидела, что снежинки, упавшие на ее пальто, похожи на перхоть. А пальто-то черное! Просто как в рекламе! И ее сердце, мозг не выдержали. Как? «Засыпанные перхотью» – это вам не «Унесенные ветром». Это не модно, это не фильм, а противная реклама!

Но все же я сумел уговорить Иру пойти вечером со мной в кино на комедию. Фильм посмотреть у нас не получилось, потому что Ира пришла в теплом вязаном платье, а в зале много людей и было душно. Она задыхалась, я дул на нее, приносил воду... В общем, через пятнадцать минут мы покинули кинотеатр. Ира говорила, что никогда бы не подумала, что вязаное платье такое теплое, ведь оно яркое и стильное, а мы вышли «в свет» – и нужно было надеть только его. Я проводил ее домой. И мы договорились завтра пойти на этот же фильм.

«Завтра» мы фильм тоже не посмотрели, поскольку Ира решила пойти в кинотеатр в следующем виде: она надела короткое платье, похожее на ночную рубашку, пиджак, прозрачные колготки, красные шпильки и сделала Smokey eyes, то бишь сильно черным намалевала глаза. Вышла на улицу – мужики стали к ней приставать, а когда она им отказывала, говорили: «Какая тебе разница, я хорошо заплачу». Выхода не было: она вернулась домой, чтобы смыть с себя все и пе-

реодетсья. В итоге – решила остаться дома.

Через два часа я сам приехал к Ире домой. Зная, что цветы она не любит, купил ее любимый журнал. Дверь мне открыл ее отец: полный приятный мужчина лет пятидесяти, усатый, в сером джемпере и розовой рубашке.

– О, привіт, хлопче! Як звати бідну жертву моєї доньки? Не хвилюйся, проходи. Будеш другою жертвою моди і всього цього, що там вона ще любить, тобто на чому вона схилена... бо першою жертвою є я. Слухай, у тебе, у твоєму роді, мабуть, багацько козаків, гетьманів, лицарів, бетменів, спайдерменів? Я реаліст і бачу, що ти прийшов, – а отже, ти герой. І це класно, бо протриматись із моєю дочкою, вірніше з її прибабахами, зможе тільки герой! Я – батько, батько-реаліст, Пилип Андрійович.

– Здравствуйте, Филипп Андреевич! Я Дима. Ну, Ира же у вас красивая.

– Дякую. Молодець! Заходь уже, не стій у передпокої. Будеш чай? Каву? П'єш узагалі алкогольні напої?

– Нет. Я пью только какао.

– Оце так! А я думав, що зайчик, який рекламує какао, він добрий, а виявилось... Дякую, що сказав. Сто відсотків, там якісь галюциногени, бо ти прийшов до Іри добровільно, і прийшов із журналом. Какао в житті пити ніколи не буду.

– Вы такой классный! Так классно шутите! Супер просто. Журнал купил – она же его обожает. Купил именно то, что ей нравится, что она любит.

– Молодець, звичайно. Та краще б ти їй купив те, що вона не любить. Книгу якусь розумну – корисніше було б. Хоча... правильно зробив, бо, мабуть, із книгою вона б випхала тебе за двері. На жаль. На мій превеликий жаль.

– Ну, может, она изменится потом.

– Та може. Так, я зараз тікаю від вас. Поставлю пісню Енріке Іглесіаса «Escape» і втечу. Втечу красиво, як у фільмі, під пісню. Хай Ірка тепер тебе мучить!

– Да, ваша дочка из журналлов, к сожалению, сделала культ. А я считаю, что культ чего-либо – это ограничения, которые сковывают душу, разум, мышление, движения.

– О, який ти розумний. Отже, тоді тобі порада: коли стане зовсім нестерпно, ти накриваєшся постером з Енріке Іглесіасом. Бачиш, у нас уся квартира ними завішана, – і втікаєш, красиво втікаєш.

– Спасибо большое за совет! Но у вас так дома уютно и чисто.

– У тому, що чисто, є величезна моя заслуга. Хоча це все Іра прибирає, але я її надресировав! Приміром, ховаю десь нові журнали й кажу їй, що журнал лежить там, де треба прибрати. Ось, наприклад, треба вимити посуд. Ховаю під горою немитого посуду папірець у пакетику з написом, де лежить журнал. Але щоб дібратися до папірця – треба посуд перемити. Або ж чиню таким робом: кажу їй, сфотографуй на телефон і надішли мені фото прибраної квартири – і тоді скажу, де сховано журнал. Ось так у нашому домі слідкують

за чистотою. Зрештою, мабуть, я винен, що Ірця не кохається на поезії, бо я їй у дитинстві її не читав. Мама наша пішла в «богему», творча людина вона в нас, а я багато працював. І взагалі, вважаю, що поезію треба вміти читати, гарно, вголос. Саме вголос, а не в вуса та закладений ніс. А в мене і вуса, і ніс – здебільшого закладені. Яюсь так сталося.

– Ничего. Все будет хорошо. Вы же такой классный! Я просто вас полюбил уже.

– А ось цього не треба. Це вже другий крок до гейства, перший – журнал. Дякую тобі. Ти суперовий хлопець. Не сумуй. Он уже Ірка з магазину йде. А я маю бігти. Бувай.

– До свидания, Филипп Андреевич!

Іра пришла. Очень обрадовалась журналу. Наверное, даже больше, чем мне. Мы пили чай с конфетами и смотрели какой-то романтичный фильм. Было спокойно и приятно.

На следующий день мы решили погулять по парку. Мы шли не спеша, ели мороженое – и тут внезапно Ира побежала от меня. Именно побежала, а не убежала. Она стала бегать по парку, как чокнутая. Хохотала и оглядывалась. Я ничего не понял! Стал догонять ее. Сперва было весело, а потом она резко остановилась и сказала еще резко:

– Дима, мы не можем с тобой больше встречаться!

– Почему?

– Помнишь вчерашний фильм?

– Если честно, не особо. Я больше на тебя смотрел, чем на фильм.

– А надо было смотреть фильм! – завопила Ира.

– И что в нем такого?

– Там парень, главный герой, красавец, бегал за девушкой по скверу.

– Я же не маньяк!

– Он тоже не маньяк!

– И что?

– А то, что он за ней бежал совсем не так, как ты. И он не плоскостопый! Вот почему мы не можем встречаться. Я хочу, чтобы в моей жизни было все красиво, как в фильме.

Ира ушла. Я офигел! Ни черта не понял! Мне было неприятно и обидно. Вроде я неплохой, неглупый, а она так меня бросила. Я пошел домой. Не хотелось никого видеть, ни с кем разговаривать.

Глава 14

Я впал в депрессию. И единственным способом для меня избавиться от нее было перекрашивание дверей в другой цвет, причем всех дверей, а не одной. Я пошел в магазин и купил семь банок разноцветной краски, накупил кисточек, валиков. Пока дотащил это все домой, чуть не сдох! Я всегда избавляюсь от депрессии таким дурацким способом. Короче, надел я на себя старые, ненужные папины вещи. Не свои же я портить буду! В первую очередь решил покрасить дверь туалетную в розовый цвет. Этот цвет – позитивный,

а я сейчас совсем не такой. Крася дверь, я все думал: ну, почему она меня бросила? Неужели я такой ужасный? Да, плоскостопик, но ведь это хорошо – в армию не заберут, если попрут вдруг из универа, а значит, я останусь с ней. Разве плохо? А как экономно – отмазывать от службы не надо. Ух, фильм этот проклятый! И почему мы не посмотрели вчера «Придурки на отдыхе» или «Остин Пауэрс»? Там же все страшные и неуклюжие, и по сравнению с ними я был бы, как минимум, Джеймсом Бондом! Нет! Ей на какого-то мальчика-зайчика приспичило посмотреть. И вообще, я не понимаю, почему люди стремятся к какому-то иллюзорному идеалу! Фильм – это иллюзия, обман. В жизни все совсем не гладко. Хотя, если честно, Иру не осуждаю, потому что я тоже бываю недоволен действительностью и стремлюсь ее исправить. А в принципе, исправлять ничего не надо, потому что все и так хорошо. И на подсознательном уровне я это понимаю, но все равно психую и кричу на всех. Просто в дурру-истеричку превращаюсь какую-то. И мне от этого потом бывает очень стыдно, потому что таким образом я порчу жизнь и себе, и окружающим. Так и Ира... Словом, красил я, красил... Фигово покрасил, ничего не скажу. Пришел папа. Посмотрел и вздохнул: «Понял – депрессуха. Ладно... Черт с ними – с моими вещами. Впрочем... искупи вину – сходи в магазин. Но сначала отмойся». Я кивнул и решил, это действительно хорошая идея – потому что от запаха, вернее, от вони краски у меня уже разрывалась голова. Когда отдирал

пятна, вспоминал мультфильм про домовеночка Кузю, которого Бабушка Яга отмывала. Ух и грязным и всколоченным был домовенок, прямо как я. Разница между нами только в том, что волосы у меня от природы темные, сколько ни пологи, и в том, что отмывал я себя сам. Пошел я в магазин.

Глава 15

Башка болит, а в магазине у нас еще музыка занудная играет. Нахватал я всего, что под руку попало. Купил себе даже яйцо «Киндер-сюрприз» и мыльные пузыри. Это – чтобы настроение поднять. Также взял себе трусы с нарисованными коровками в плавательных масках – бред, конечно, но смешно. И машинку маленькую купил, игрушечную, за пятьдесят гривен. Зачем? Не знаю. Но папа точно будет знать, за что сделать мне выговор. Нет, ну продуктов-то я купил. Потратил двести пятьдесят папиных гривен. Выходя из магазина, столкнулся с девушкой.

– Ой, извините, что задел.

– Ничего. Все нормально. У вас машинка и мыльные пузыри выпали из пакета. Вы такой молодой, а уже папа малыш?

Было бы глупо признаваться, что это я купил для себя.

– Я... не для себя, конечно... это я для... племянника купил. Да, для племянника.

– Какой вы заботливый.

– Ну, да... я такой. А вас как зовут?

– Эмилия.

«Ни фиги себе!» – подумал я.

– А меня – Дима.

– Очень приятно, Дима. Вы далеко живете? Может, нам с вами по пути?

– Здесь минут десять идти.

– Так мы с вами практически соседи. Я тоже неподалеку живу.

– Давайте перейдем на ты?! И давайте ваши сумки – я поднесу.

– Хорошо. Ты просто джентльмен. Но мне показалось, что у тебя глаза немного грустные. Что-то случилось?

– Да я просто некоторые фильмы ненавижу.

– А я вообще телевизор не смотрю. Телевидение – это зло.

– Почему зло? Некоторые передачи и фильмы, конечно, портят настроение, но в целом – это очень даже хорошая вещь, телевидение.

– Но ты же грустный от того, что фильм посмотрел!

– Дело-то особо не в фильме. Ну его! Проехали.

– Проехаться – это хорошо. А ты не хочешь съездить в лес?

– Куда? Зачем? Странный вопрос. Эмилия, ты маньячка?

– Глупый! Лес – это живой воздух, живая атмосфера, положительная энергия.

– А что там, в лесу, делать?

– Играть на барабанах.

– Как зайчики из рекламы батареек?

– При чем тут зайчики? Ты любишь только зайчиков? Но в лесу много и другой живности...

– А! Я забыл, ты ведь телевизор не смотришь. А про барабаны – серьезно?

– Конечно. Это же добро.

– А ты что там, в лесу, одна играешь?

– Нет, нас человек двадцать. Собираемся, варим кашу, жарим мясо, играем на барабанах, танцуем, поем песни.

– Понятно. Ну, вот я тебя и проводил до твоего двора. Всего доброго.

– Если захочешь, присоединяйся к нам.

– Подумаю. Салют.

Глава 16

Боже, какая скукотища! Универ, дом, курсач. Каждый день одно и то же. С Динэль, Никой и Лисой общаюсь вечером по телефону. Они тоже уставшие, загруженные учебой, поэтому встретиться – никак. Да и я сам никакой. Никакой развлекухи, девушки нет...

– Дима, вынеси мусор!

– Сейчас, мама, сейчас.

Никого там нормального, на улице, нет, кроме детей сопливых всяких и собачников. А меня выпирают. Хотя... все

же надо развеяться. Пошел я поправлять экологическую ситуацию в своей квартире – мусор выбрасывать.

– Эй, привет, Дима!

– Эмилия? Привет.

– Как дела?

– Скучно.

– Так, может, поедем на барабаны?

– Ну... А давай! Когда?

– В субботу. Идет?

– Идет.

– Тогда до субботы?

– До субботы.

А что! Поедем в лес. Пусть она и не внушает доверия, но хоть выеду куда-нибудь. Да, не смотрит человек телевизор – и что с того! Может, это и лучше. А то Ира меня из-за фильма поперла. После такого вообще спокойно телевизор смотреть не могу! А Эмилия, если и отошьет меня, то точно не потому, что я на актеришку смазливового какого-нибудь не похож. Она, пожалуй, вовсе никаких актеров не знает. И это плюс! Она не будет развивать во мне комплекс неполноценности. Правда, я толком понять не могу – нравится она мне внешне или не нравится. Какая-то не современная. Нет, не старая она, как Granny, а... винтажная, я бы так ее назвал. Конечно, в глазах у нее хватает придури, но, может, это я сейчас так говорю, потому что у меня плохое настроение. Не знаю. Посмотрим.

Глава 17

В субботнее утро я сложил в рюкзак все необходимые вещи для поездки в лес. Вышел во двор, а Эмилия уже ждет. Я был приятно удивлен, что впервые девушка ждала меня, а не я ее.

– Доброе утро, Дима.

– О, это точно, что доброе. Ты пришла даже раньше.

– Конечно, нам нужно срочно на природу. Я хочу петь, танцевать! Вдохни этого свежего воздуха. Он так удивителен.

– Ага. Для меня удивительно то, что ты не опоздала. Пойдем на автобус.

Мы пошли к остановке. Эмма шла и что-то напевала. Если честно, мне это не очень нравилось. Я чувствовал себя санитаром, идущим с психбольным. Да... я действительно санитар мегаполиса, который идет в лес создавать конкуренцию санитарам леса – волкам. Да, именно волкам, а не гиенам. Они тоже санитары леса, но мне не конкуренты. Во-первых, в нашем лесу их нет, я надеюсь. А во-вторых, глазки-то у них темные, а у меня голубые. И это офигительно и редко. При этих моих мыслях-рассуждениях Эмма резко перебежала через дорогу. Хотя нам дорогу переходить не надо было. Она остановилась возле столба и стала плевать через плечо. О Господи, я уже не хотел никуда с ней ехать. Един-

ственное, чего я хотел,— это понять, почему она так сделала. Эмма не возвращалась, а стояла на том же месте и плевалась. Я решил сам к ней подойти.

— Что случилось, Эмм?

— Нам черная кошка собиралась дорогу перейти. Плохая примета.

— Ты веришь в приметы? Типа: оглянулся — пуп надулся?! Да глупость это все!

— Верю, очень верю. Мы едем в чистое, святое место. И нашу ауру ничто не должно омрачать. И обходить столбы мы должны вместе — так что дай мне руку.

Да... секта в миниатюре! Но я все равно решил с ней поехать. Мне просто было интересно узнать, что еще она отколет.

И вот мы в лесу. Действительно, нас было человек двадцать. У десяти — барабаны. Девушки одеты в стиле «хиппи», но с сельским оттенком. Как-то безвкусно. И вместо цветастых юбок у них перешитые бабушкины сельские халаты, что-то типа того. Парни с сережками в ушах, но тоже с невымытыми волосами. То есть мне еще с Эмилией повезло: у нее волосы чистые.

Стали они тарабанить по своим барабанам, песни завывать гнусные какие-то, в ладоши хлопать. У меня сложилось впечатление, что меня разыгрывают. Но, к сожалению, все происходило на самом деле. Башка моя не выдерживала. Эмилия увидела, что я не на кураже, как все, подошла

ко мне, вложила в мою ладонь засохший листик крапивы и сказала:

– Если ее держать в руке вместе с травой тысячелистника, то она предохранит от всякого страха. А если крапиву носить вместе со змеевиком и натереть ею руки, это поможет наловить много рыбы. Крапива же вместе с чертополохом гарантирует удачу на охоте.

– По-моему, в моих руках только один засохший листик крапивы, а где тогда остальное, что ты там сказала,– рыба, убиенные зверушки? И вообще, при чем тут страх? У меня просто день, похоже, неудачный. Да что там неудачный! Дерьмовый день выдался!

– Ты должен расслабиться. Растения все чувствуют. Сила природы охраняет тебя.

– Ага. Только при чем тут рыба и охота? Для меня рыба и охота в километрах пятнадцати от леса находятся. Супермаркетом называется. И крапиву я люблю только свежую, в борще. И мне запах липы куда больше нравится.

– Что? О Боже! У тебя возле дома липа растет?

– Растет!

– И сколько там наростов?

– Чего?

– Давным-давно липу сажали обычно мужчины для защиты от ведьм. Липа берет на себя проклятия, которые посылают мужчинам женщины. Чем больше на липе наростов – тем больше проклятий посылали тому, кто ее посадил. Хоть

ты ее не сажал, наверное, у тебя все же от этого плохое настроение. Сейчас я принесу травки и мы все вместе споем очищающую песню.

Пока Эмилия ходила за травкой, я успел схватить рюкзак и свалить оттуда. Я очень быстро добежал до остановки, сел в автобус, надел очки, капюшон и впечатался в сиденье. Фу-у-у! Буду обходить ее десятой дорогой. А лучше на рынке купить несколько черных котов и поселить их во дворе. Буду «Вискасом» их кормить на завтрак, обед и ужин, лишь бы Эмма во двор не заходила.

Глава 18

Сегодня мы собрались у Динэль, чтобы обсудить все, что с нами происходило за это время.

– Да... Чего ты вообще решил поехать с этой... как ее... Эмилией?

– Дина, ну мне было скучно. А если честно признаться, то впадал в депрессняк. И это не просто слово, а мерзопакостное состояние, из которого выбраться, ой, как не просто! Мне неприятно, что все меня бросают. Вот Ира – недалекая девушка, мягко говоря. И все равно, во мне ее что-то не устроило. Хотя я предполагал, что ее может не устраивать только плохо устроенная модная вечеринка или некрасивое устройство для подзарядки телефона. Но не подошел-то ей я!

– Да. Меня тоже интересует вопрос, почему ты к ней подошел. Не подошел бы – и не надо было бы уходить. Точнее, тебя бы не «ушли».

– Дина, она симпатичная... А почему я не слышу гадостей в свой адрес от Ники? Что случилось? Ник, у тебя сейчас было столько возможностей охаять меня.

– Ничего подобного. Ты, если логично прикинуть, такой как надо. Compliments делать тебе не буду, но ты молодец, что знакомишься с ними первым, зачастую и подходишь первым.

– Ни фига себе! Ника, у тебя болит голова?

– Нет, Дима. Сегодня как раз терпимо.

– Тогда я ничего не понимаю. Мне уже грустно! Я хочу услышать гадость в свой адрес. Немедленно!

– Дим, жаль, что весна и ты свою шапочку не носишь. Шапочка-тотошка ушла на весенне-летнюю пенсию. Внимание! ГАДОСТЬ: тебя дебильно подстригли и челочка у тебя, как фашистская каска! На! Доволен?

– Нет. Не доволен. Дина, Лиса, что случилось с моей сестрой? Дина!

– Да, я сейчас тебя сдам, Ника! Ника мечтает, чтобы с ней познакомился один симпатичный парень из универа. Вернее, чтобы САМ НОЖКАМИ СВОИМИ ПОДОШЕЛ К НЕЙ. Ну, потому что она как-то не хочет подходить – или не может...

– Да! Да! Ну, да! Потому я тебя и хвалю за инициатив-

ность! Вы не знаете случайно адрес доброго Гудвина, который бы наделил инициативностью этого глазастого, молчащего парня из универа? Нормальный он по виду. А там, дальше, я же не знаю... поэтому я не страдаю, но все же задумываюсь над этим, ну то есть над ним. Вот...

– Ника, тебе нужно почитать книгу «Как манипулировать мужчинами», – сказала Лиса.

– Да упаси Господи, Лиса. Я же ее брат, и я буду первым, на ком она отыграется. А мне и так хватает...

– Не хочу я никем манипулировать... У меня это и так произвольно получается. А книжки, точнее брошюры вот эти твои, Лиса, сектантские какие-то и написаны дешевым языком. Да и жить по брошюре – это скучно, предсказуемо.

– Ника, ты не права. Там много советов – как вести беседу, например.

– Лис, ну, если парень нравится, то ты будешь нести всякий бред, глупости, забывать фразы. И в этом весь кайф. Потому что это выражение симпатии.

– Да, девчонки, я с Никой согласен. Так веселее. Ника, а этот парень обращает на тебя внимание?

– Дима, мы уже чуть ли не год ходим, смотрим друг на друга и тупим.

– Черт, меня это так радует! Не один я туплю и лажаюсь. А в целом как вы провели это время? Дина, что ты делала?

– Да ко мне бабушка приехала. Ну и пошли мы с ней по магазинам. Бабушка у меня продвинутая очень. Ей семьде-

сят, а она все жениха себе ищет, так что одета модно и со вкусом. Все ходила и обсуждала девушек, которые «как шлюхи одеты»: шорты джинсовые, колготки в сетку... а вокруг же таких навалом. Ну вот стоит одна такая дура в магазине, выбирает очередные колготки в сетку, а к ней подходит мой бывший Сергей. Помните, да? Давно он меня кинул. Я бабушке рассказала, кто он и что он. Бабушка не растерялась, взяла открытку с моделью, ну, рекламную открытку магазинную. Подошла к ним, показала это «фото» и стала биться в истерике, что Сергей типа обесчестил открыточную ее внучку и теперь та беременна! Его девушка поверила в бабушкины бредни, хоть Сергей и отпирался, но бабушка моя – актриса, тем более что называла его по имени и фамилии. Вот какая у меня защита. Я рада, что бабушка так их развела. Он – подлец.

– Да, Дина, он, правда, нехороший. Но мне больше всего понравилось, запомнилось, как твоя бабушка с нами прорывалась в бар.

– Ага, Лис, это классная история, смешная. Рассказываю: идем втроем вечером по улице. Я, бабушка и Лиса. Вдруг бабушка видит, что бар забит мужиками. Там реально одни мужики сидели. Мы увидели через окно. Решили зайти. А нас охранник не пропускает. Ну, для моей бабушки охранник – не помеха, как оказалось. Внутрь она прорвалась все же, а ровно через минуту выбегает. Плюется, крестится. Тут охранник и говорит – мол, дамочка, это гей-клуб, дам не пус-

каем, я же вам пытался объяснить. Мы с Лисой смеялись, а бабушка весь вечер сокрушалась над тем, как нелегко нам будет найти мужа, ведь практически все прилично-симпатичные – геи.

– Да, Дина, твоя бабушка права.

– Лиса, тогда зачем читать книгу о порабощении мужчин, порабощать-то некого пока.

– На всякий случай. Вдруг повезет.

Мы сидели и смеялись.

Хорошо быть вместе.

Глава 19

Снова универ, работа, компьютер. Устал... Девушку новую пока не нашел. Переписываюсь сейчас со Светой. Познакомился на сайте. Ни разу пока ее не видел. Ей семнадцать лет, учится на первом курсе академии городского хозяйства... Может, с ней замутить? Может, пригласить куда? По разговорам понял, что модой особо не интересуется, в приметы не верит, мало накрашенная на фото. Говорим с ней ни о чем. А в принципе – о чем еще? Надо бы увидаться. Телевизор смотрит, следит за новостями, пишет грамотно, не тупо, фильмы нам нравятся одинаковые, то есть комедии и сериалы «Друзья», «Интерны», «Теория большого взрыва». А это показатель того, что с чувством юмора, хорошим чувством юмора у нее, как минимум, все в порядке.

Написал, что хочу встретиться. Ответила – да. Назначили свидание в парке. Выглядит очень мило. Говорили обо всем и ни о чем. Ели мороженое, просто смотрели друг на друга. Рассказать о нашем разговоре ничего не могу, потому что я тонул в ее карих глазах – и беседу особо не запомнил. Хорошо провели день, вот и все.

Придя домой, впервые захотел рассказать родителям о своей девушке, о Свете. Мне она понравилась тем, что спокойная и вроде дури в ней нет. Она простая, нормальная, адекватная. Не скажу, что мне от нашей прогулки что-то конкретное запомнилось. Мне понравилась *атмосфера нормальности*. И я, похоже, начал в них влюбляться – в нормальность и Свету.

Мы стали встречаться серьезно. Она меня затащила в постель на третьем свидании. Если честно, я не очень-то хотел. Я как-то хотел получше ее узнать. Говорю сейчас об этом, как красна-девица невинная! Но я отношусь к Светиной нормальности очень серьезно и бережливо. Единственное, что меня удивило, это то, что в шкафу у нее почти все вещи розовые. Я ничего против розового цвета не имею, но тут явно перебор. Хотя я не зацикливался на этом. наших разговоров с ней я не запоминал, потому что она не шутила и не говорила глупостей. Это все за нее делал я. Я запоминал спокойствие с ней, которое меня дико радовало. Но в один день моя радость прошла. Мы договорились встретиться у меня дома. Родители были на даче. Звонок в дверь. На пороге Света в

своём розовом комбинезоне, который меня бесил немного, если честно. И с ярко накрашенными глазами.

– Привет, Дим. Я сегодня стала совсем другая.

– Потому что глаза черным навела?

– И это тоже!

– А что еще?

– Узнаешь. И тебе повезло, что у тебя волосы черные. А то бы мы с тобой не встречались уже, наверное.

– Но... Света...

– Я очень хочу тебя!

Она кинулась на меня. Она захотела заниматься сексом под какую-то дурацкую музыку, которая лично мне радости не приносила, а только била по ушам. Еще от Светы сильно пахло табаком, хотя раньше она не курила. После этого всего я спросил у нее, почему она другая, почему стала курить.

– Мы вечером идем гулять?

– Да, если хочешь.

– Я познакомлю тебя со своими новыми друзьями.

– Хорошо.

Я удивился. Удивился ее поведению. Решил позвонить Нике и спросить, чем мне удивить Свету, потому что у нее новые друзья какие-то. Может, я ей начал надоедать, чего-то ей не хватает.

– Алло, Ник, привет! Слушай, мне как-то Свету надо удивить. Не подскажешь, как?!

– Привет. Ну, подари ей что-нибудь. Ты же что-то ей да-

рил?

– Да, часы наручные.

– Ага. Хороший подарок. А чего она хочет вообще? О чем мечтает?

– Машину хочет! BMW!

– Ну так подари!

– Ага! Как? У меня таких денег в ближайшую треть века не предвидится!

– Игрушечную подари. И скажи, например, что поздравляешь с Днем независимости Зимбабве. Или придумай что-нибудь другое, в календарь посмотри. В общем, чтобы повод был глупейшим. Это принципиально. Потому что так эффект лучше. Удивления и радости больше. Думаю, она оценит.

– Спасибо. Тогда я побежал в магазин!

– Беги.

Я долго рассматривал машинки в магазине. Мне их все с собой забрать хотелось. Но выбор остановил на белой BMW за двести сорок гривен. Для Светы всех накопленных денег не жалко!

Пришел к ней. Подарил. Сказал про праздник в Зимбабве, как Ника и говорила. Светины глаза были потрясающе счастливыми. Она носилась с этой машинкой по комнате, как невменяемая! Фотографировала ее, выбирала место, где ее поставить. Я был счастлив. Казалось, что все хорошо. Но вечером мы все же пошли с ней в клуб знакомиться с ее но-

выми друзьями.

Глава 20

Какого так душно? Ставят кислоту, кислотная музыка. Мать их! Как отвратно.

– Дима, знакомься! Это Котя, Кекс и Трэш.

Котя и Трэш – две девочки в черно-розовой одежде, с волосами цвета сунса. Кекс – мальчик с длинной челкой, хотя похож больше на девочку.

– Привет. Я Дима.

– А ты эмо? Неформал? Кто ты? – спросила Котя.

– Просто Дима, программист.

– МанАть! Просто программист! А кличка?

– Дмитрий!

– ЕхАть! – сказала Трэш.

– Дима, пойдем тусоваться.

– Света, может, домой лучше?

– Нет. МанАть, я хочу тусить.

Таких слов я еще от Светы не слышал. Да и в таком виде я ее еще никогда не видел. Я следил, чтобы она не пила. Но она нажралась в женском туалете. Потом ей стало плохо, я вывел ее на улицу. Она облевалась и упала под скамейку. Вот такую я тащил ее домой. Я был в шоке! Теперь она не Света, а эмо, неформал, или кто там еще. Проще говоря, тупопьянь и блядство.

На следующий день я пытался ее переубедить в том, что так делать больше не надо и что компания у нее не очень. Она сказала, что подумает. А вечером написала мне SMSку, что нам надо расстаться. Я не воспринял это всерьез, думал, бесится и пьянка вчерашняя так на нее повлияла. Звонил домой к ней. Родители сказали, что вечером она в клубе. Странно, что ее родители так спокойно к этому относятся и не замечают в ней изменений в худшую сторону. Для них угашенная и заблеванная дочка – это нормально. На мобильный она не отвечала. И я знал, что, кроме клуба, она может сидеть после учебы в кафе. По дороге встретил Нику.

– О, здоров, Дим. В универ? Как дела с новой подружкой?

– Ника, она стала ЭМО.

– Видишь, раньше «перекидывались» в оборотней, а сейчас в эмо, неформалов. Да ну ее! Не парься!

– Хочу сегодня с ней поговорить. Зайду в кафе, куда она теперь ходит с друзьями после универа.

– Что ж, это мужской поступок. Зайди. Удачи.

– И тебе тоже удачи. Может, увидишь своего глазастого и молчаливого.

– Угу. Ты еще скажи, что он подойдет ко мне и познакомится. Не верю!

– Все может быть. Пока.

– Пока.

Ну и день у меня сегодня! Всё и все бесят! Ника, собе-

рись! Голова болит ужасно. Было три модуля. Как я устала! И ни одного приятного лица здесь нет! Ой, это же Он. Он! Глазастый и молчащий идет! Прямо, как Дима говорил. Ой, надо что-то делать. Все никак познакомиться не могу. А если Он не здесь учится и я его больше не увижу? И вообще, я же все могу, и я вроде симпатичная, раз Он на меня сейчас смотрит. Надо первой подойти! Нет. Мне плохо, а если я упаду в обморок, когда подойду? Черт, я психую, но этого показывать нельзя. Черт! Черт! Черт! Мне же нужно произвести на Него хорошее впечатление... Я помахала Ему рукой. Он улыбнулся, обрадовался, как мне показалось. Ну, я молодец. Уже не психую. Сейчас Он ко мне подойдет. Должен подойти. Вроде как должен. Может, пройтись мне? Да, так будет лучше. Ходила, ходила, ходила... а Он сидит все там же, смотрит и улыбается. Я уже вообще не нервничаю. Да... не надо было ему махать. Я ему совсем не нравлюсь. Но ведь Он сам ходил, смотрел... наверное, мне все показалось и я ошиблась. Он сидит. Сидит в штанах своих спортивных зеленых, модной фирмы. Дурак! И я дура, что помахала ему! Сидит Он, улыбается. Не подходит. Ну и ладно... Пусть сидит в своих штанах зеленых. Господи, да что же меня повело на этих штанах! Перекосило просто. Штаны... штаны... Бред какой. При чем здесь штаны. Не нравлюсь я ему. Ну, и дурак! Все! Ухожу. И только я собралась уходить, Он ко мне подходит.

– Привет! Стоишь?

– Привет. Стою. Почему ты сегодня в универе в спортивных штанах? Совсем тебе не идет. Некрасиво.

Дались мне его штаны! Да что же меня так проклонило! Надо менять тему. Ника, соберись.

– Тебе не нравятся мои штаны?

– Нет. Они дурацкие. Тебе не идут.

– Что, мне их прямо сейчас снять и поменять на джинсы?

– Дурак!

Боже, что я несу, он же обидится! Хотя... ну и пусть! Пусть! Он же долго ко мне не подходил. И вообще, какая разница. Я ему не нравлюсь!

– Я не дурак. Я – экономфак. В смысле учусь на экономическом факультете.

– Хорошо. Как тебя зовут?

– Влад.

«Хм. Влад, Владислав... Имя неудобное какое! Неудобно-выговариваемое».

– А меня Ника. Очень приятно с тобой познакомиться.

Я подала ему руку. Хоть что-то я нормально сделала.

– А мне как приятно! – ответил он.

Его глаза были очень чистыми. Я немного успокоилась.

– А где ты учишься? – спросил он.

– Филологический.

– А я люблю українську мову, – ответил он, улыбаясь.

И меня это взбесило: то есть я вот маячила тут, ходила-ходила, махала тебе рукой. А ты у нас и мову любишь, и улы-

баешься. Чего же ты сидел?.. Меня опять переключило. Со мной такое впервые, и я снова сказала глупость, хотя не хотела это говорить.

– Штаны у тебя дурацкие. Дурак.

– Почему ты называешь меня дураком?! Мне же обидно.

– Все! Ну, тебя! Иди на пары.

– Хорошо. Еще увидимся.

– Поглядим. Иди!

Ой-ой-ой, что я наделала!

Так. Света... Света... Света... Ну, и где же ты?! В кафе практически никого. О, сидит эта... как ее... мусор по-английски... Трэш.

– Привет, Трэш! А где Света?

– В туалете.

Я решил подойти к женскому туалету. Дверь была приоткрыта. И я увидел... Боже, что я увидел! Света занималась сексом с Кексом в туалете! Как же мне стало противно, что я с ней спал!! Она меня тоже увидела. Я выбежал из кафе. Буквально через минуту она меня догнала и сказала:

– Дима, в этом нет ничего такого. Ну и что, что я занималась с ним сексом?

– Это аморально! Тебе только семнадцать! А ты уже такая испорченная!

– Абсолютно нормально. Ты знаешь, что ты у меня двадцатый?

– Что? У тебя в твои семнадцать было двадцать мужиков?! Ты спала с двадцатью мужиками?! Я не хочу тебя никогда видеть. Никогда!

– А что тут такого?! Я молода. А жизнь одна! Я хочу все попробовать! – прокричала Света мне вслед.

Я, грустный, побрел по улице. И встретил такую же грустную Нику.

– А ты чего грустная?!

– Он ко мне подошел, а я все испортила. Я дура.

– Это тот, кто тебе нравится?

– Да, он приятный, симпатичный, а я все испортила... Я ему сказала, что он дурак и штаны у него дурацкие. Представляешь?! Это при первой-то встрече! Дура! А ты как со Светой?

– Света ударилась во вселенское блядство. Хотя, как оказалось, она давно там находится... А я верил, что у нас с ней будет все хорошо. Я же влюбился в нее. И до последнего верил, что я ей небезразличен. Верил, что она изменится...

– Ну что я могу тебе сказать. Хоть и не любитель поэзии, но все же слова одного неглупого человека сейчас кстати.

Ти вірив – небо обіймає,
Дає надію на політ,
Веде в просторий, щедрий світ
І крила вітром підіймає.
Та вже поцілили в крило...

Та вже і друге поламали...

Але ти вір – всьому на зло.

Хоч подумки – злітай над хмари.

– Если этот парень действительно не дурак, то он обязательно подойдет к тебе еще раз. Поймет, что ты просто нервничала. Потому что главное – это глаза. А они у тебя очень хорошие. И ответ тебе тоже неглупыми словами:

Названо все, і повторень

Більше душа не прийма.

Навіть простих перетворень:

Літо – зима.

Навіть ниток павутинних,

Що розірвались – і квіт.

Вірмо, що легко змінити

День цей – і світ.

Мы сели в парке на лавочке. Долго молчали. Каждый думал о своем. И тут Дима вдруг спросил:

– А в котором часу ты так облажалась с этим парнем?

– Где-то в три. А ты со Светой?

– Тоже примерно в три.

– Ха! Ну мы же с тобой брат и сестра. А у родственников судьбы похожи.

– Это точно. И хватит тут бесцельно сидеть. Все равно зав-

тра будет новая интересная или неинтересная, веселая или же грустная история, но это даже неважно. Важно то, что она будет и она будет другой. Пойдем домой пить какао!